БИБЛИОТЕКА ДООС– ПОЭЗИЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)
Г 95

ДООС-ПОЭЗИЯ

ДООС – аббревиатура Константина Кедрова-Челищева 1983 г. – Добровольное общество охраны Стрекоз.
Девиз: «Ты всё пела? Это – дело!»

ДООС приветствует теорию и практику метаметафоры (термин Константина Кедрова-Челищева, предложенный им в 1978 г.)

Библиотека ДООС-ПОЭЗИЯ основана издательством Маргариты Аль в 2014 г.

Редакционный совет: доктор философских наук. Константин Кедров, Маргарита Аль, Елена Кацюба.

ISBN 978-5-9906507-9-4

© С.Гурарий, текст, 2016.
© Л.Диденко, фото, 2016.
© Издательство ДООС
Маргариты Аль, 2016.

СЕМЕН ГУРАРИЙ

ЗВУК

КНИГА СТИХОВ

Москва
Издательство ДООС
2016

От автора

Не достойна ли изумления наша привычка существовать в бессмысленном звуковом хаосе? Неосознанно бродить по его лабиринту, прислушиваться к грохочущему пространству, к самим себе, и неожиданно убедиться: звуковомир ДОМинантен. Дом – домина. Наше бесконечное жилище, вместилище сквозняков, света, туманов, темноты, желаний, суеты. Однако доминантно жить, значит не только тяготеть и предпочитать, но и быть готовым к модулированию из одной тональности в другую. Доминанта – дверь раскрывающаяся, ведущая в неизвестность. Оборотень, танцующий в любых направлениях. Это аккорд удивления.

Конечно, слышать звуки, это совсем не то, что рассуждать о звуках. Отдельный звук сам по себе не знаком с надеждой и не вызывает интереса. Чтобы появился смысл, звук требует продолжения, когда возникает на наших глазах упорядоченное единство и могущество деталей, нюансов, оттенков звуковой палитры. Некое едва объяснимое состояние, при котором многообразные, заранее заготовленные реше-

ния, наравне со спонтанными усилиями и импульсами становятся свободным дыханием звукового существования. Или музыкой.

Ровность белых клавиш – трудно ощутимое благо. В их гранёной равномерности нет никакой устойчивости. Гладкость белых клавиш грозит потерей ориентации. Словом, отполированная безупречность нуждается хотя бы в малой толике шероховатости, в теневых бликах, в тайниках темноты. Чтобы зацепиться за корявость и не соскользнуть в обезличенное равнодушное совершенство.

Звуковая восприимчивость – это не отчуждённо выстраиваемая на дистанции конструкция. А всегда жилище, куда надо приглашать, зазывать, заманивать, чтобы в нём, в конце концов, жить захотелось. Только не надо ничем кичиться, выставлять напоказ стены, перегородки, строительные перекрытия. Просто свободно дышать и обживаться.

Учиться нежности и самоотверженности чувствования через интенсивность погружения в смысловые подробности и нюансы звукового состояния – необходимая задача для любого музыканта, чтеца, актёра.

Вот что не прекращается никогда – это завоевание доминанты. Вне всякого нашего видимого или слышимого участия. Даже если полностью отступили, или оступились, или даже зависли в беспомощной пассивности.

Необходимо ли родиться в Германии или Австрии, чтобы почувствовать в бетховенских Adagio неодолимую тягу к соразмерности?

Шопеновские масштабные сонаты и миниатюрные мазурки сделаны из одного и того же влажного воздуха сомнений, стеснительности и отваги.

Истоки музыкального прочтения зависят не только от воссоздания соответствующего звукового контекста. Вступает в права некая системность в овладении материалом. КАК зависит от ЧТО и наоборот. Психология от режиссуры. Философия от историчности. Взаимосвязанность эстетического и этического. Личность и эпоха. Процессуальность. Интонационный процесс. Всё это можно обозначить и одним словом – интерпретация. Законы, впрочем, идентичны и для театра, и при прочтении литературного текста, и при «прочтении» жизненных разнообразных ситуаций.

Каждый интерпретатор – это самосжирающее разнообразие взаимоисключающих черт, привычек, подражательских наслоений.

Слушающие и слышащие люди часто, к сожалению, не обладают даже примитивным творческим даром. Однако все они чаще всего готовы судить или даже насаждать только определённые, параметры бытования: и в жизни, и в искусстве в особенности. Естественно, параметры, соответствующие их весьма приблизительным представлениям.

Задержание в музыке. Если бы задержания не было? ... Когда не просто случайно опаздываешь, а с намерением затягиваешь, зависаешь в останавливающемся времени ... Что стало бы с музыкой, если бы все гармонические структуры, все фразы заканчивались, разрешались бы с последовательной логичностью? Что стало бы с нашей жизнью? Словом, задержание надо было бы тогда придумать ...

«Художественные поступки и проявления» осуществляются на практике частенько спонтанно и вопреки задуманному, не оставляя времени автору на осмысление целого, на взгляд как бы со стороны. И, разумеется, полностью

изменяя выстроенную задолго до начала звуковую или словесную архитектонику.

Истоки красоты по сути прячутся в зыбком мареве окружающего нас пространства. Красота растворена в невидимых деталях, подробностях. Удивительно, что нам всё же иногда удаётся случайно ухватить её, может быть, самую несущественную деталь, которую мы во время исполнения со всей искренностью принимаем и выдаём потом с самонадеянностью за завершённое целое. За красоту.

Звуковое тяготение, «желание» – это всегда энергия преодоления недостижимого. Потому «интерпретационный порядок» может угнетать ухо, слух слушателя. Даже при его извечной тяге к пониманию, а значит и к упорядоченной ясности.

Набившее оскомину сравнение: архитектура – это застывшая музыка. Неподвижность постройки, однако, противоречит интерпретации. Музыку создают не из философских кирпичей, а из звуков. Всё удовольствие в том, чтобы по мере звукового путешествия оживлять различные тёмные закоулки, перегородки, лестничные подъёмы и чердаки, неподвижные фигуры ...

Самодовлеющая интенсивность высказывания на сцене претит публике своей кажущейся избыточностью. Тем не менее, даже привыкшие к «пресной водичке» слушатели, зрители и читатели порой не в состоянии отторгнуть насыщенность, густоту смысловой ткани. И дело тут не только в том или ином предпочтении. Просто это такой уровень прочтения, когда одно не уничтожает другое, и всё рано возникает волшебное ощущение прозрачности и естественности музыки.

Ортодоксальная приверженность так называемым канонам звуковой восприимчивости, да и вообще законам в искусстве, делает нас вроде бы независимыми от других возможных правил и истин. А значит и от самих принципов звукового или, если хотите, музыкального развития. Не потому ли пресловутые каноны всегда уже через минуту после произнесения ложны.

Не надо ничего ни запоминать, ни фиксировать. Для чего? Чтобы поделиться с другими? Наоборот, попробуйте прятать, прятаться, таить сокровенное, наслаждаться тайным. Ведь всё прозвучавшее, озвученное, так сказать, тут же перестаёт нам принадлежать.

Потребность в интерпретации – это нечто органичное, присущее всем людям без исключения. Это суждение, мнение. Все интерпретации по существу эскизны и приблизительны. Но если они имеют пропорции, признаки живого мотива, фразы, позволяющие двигаться и ощущать смысловую перспективу, есть основание считать их художественными, то есть годными для дальнейшего существования и многократного воспроизведения.

Искусство не может уберечь нас от хаоса. Потому, что само по себе рождается из абсурда и хаоса. Если бы мир был прозрачен ...

Отдельный музыкальный или речевой эпизод ничего не значит. Хотя он может в какой-то степени быть и совершенным. И всё-таки только в связи с другими эпизодами он обретает законченность, освещается, обретает характер, лицо и т.д.

Вслушайтесь: «Иса только раб наш, которого мы облагодетельствовали и поставили его в пример сынам Израиля». Не все ли мы существуем веками в плену этой формулы? Стоит только заменить Иса на Михаила, Клаву, Ганса, Жана, Абдуллу ... А Израиль – на Францию, Россию ...

«Итальянский концерт» Баха. Понятно, что – концерт. Почему Итальянский? В Италии композитор не был ни разу. Что это – Art? Манера? Стиль? Мироощущение? Пожалуй. Последнее диктует штрих, темп, характер движения, звук. Здоровая размеренность. Италия для Баха – солнце, свет, гармония движения, и пульс теплоты, здоровья, духа. Устойчивость бытия. Поэтому не должно быть поспешности, суеты в мельчайших деталях. Дирижёрски, конечно, по четвертям, но в идеале всё двигается через восьмушки. Как и в финале. Принцип на одном дыхании применён во всех трёх частях. Только во второй части нескончаемая мелодия отделена от двух других голосов, а особенно от баса холодным, леденящим пространством. Бас звучит мерно, словно некие часы. Если пафосно выражаться, то – вечности. И человеческий голос, зажатый этими непреклонными космическими тисками. Принципы жизни и музыки идентичны: ритмичность, пленительные задержания, динамические и эмоциональные нюансы, то ли секвентность то ли консеквентность, гармоническое мышление, контрасты ...

Последние слова умиравшего Арнольда Шёнберга были: «Гармония ...» Уход, распад – и слова о гармонии. Художник, которого почти все современники обвиняли в разрушении всех мыслимых и немыслимых устоев. В разрушении Гармонии бытия и восприятия Прекрасного. Разве нельзя было довольствоваться уже обжитой Гармонией? Откуда возникает это неизбывное желание новых пропорций, звучаний? Ведь новое не уничтожает, не может зачеркнуть ранее обретённого. Множество Гармоний? Или одна для всех? Если у каждого своя, то на самом деле не существует никакой. Гармония – это нечто вечно изменяющееся, обновляющееся. Независимое ни от каких эстетических доктрин.

Кто это говорил: «Запомните нас весёленькими?»

То, что составляет саму суть, сердцевину любой интерпретации, невозможно описать словами.

Краски растут, вырастают. И при этом звучат.

В композиции художественной картины любая преднамеренность, заданность ограничивает свободу нашего восприятия. К примеру,

мы не видим окружающий нас повседневный мир посередине. И не по причине, что любая середина окружена, а потому, что она постоянно смещается в пространстве. Без этой иллюзии текучести картина реальной, а тем более живописной действительности, мертва. Или, по меньшей мере, описательна, как в учебнике. Разумеется, все эти пропорции и установления зависят прежде всего даже не от картины природы, которая переносится на холст, а от художника с его не связанными друг с другом эмоциональными ритмами, волнами нелогичных линий, избирательностью, случайностью в видении, отсутствием последовательности в передаче впечатления. Наглядный пример: документальный французский фильм о подробностях, воссоздававших в работе только один рисунок Пикассо.

Музыкальные интерпретации всегда соразмерны личности музыканта.

Самая гнусная манера всех редакторов перелистывать рукописи в присутствии автора.

Сарабанда. Для живущего, а значит и слушающего, ритуальное почтение к смерти важнее, выразительнее, ощутимее самого феноме-

на ухода из жизни. Бестелесный необъяснимый миг, обряжен в пышную, пустотную торжественность похорон.

Интерпретатор и слушатель. Без этого двуединства композитор обречён на молчание. Звуковая стихия написанного сочинения не возникает сама по себе. Только природа в состоянии «творить», невзирая на публику. В отношениях же интерпретатора и слушателя поразительно то, что подчас «неподготовленный» слушатель в восприятии музыки может быть гораздо выше по глубине и искренности, чем профессионал исполнитель. По сути, слушатель часто воспринимает, чувственно воссоздаёт то, что интерпретатор и не думал вкладывать в исполнение. Поразительно, что иногда рутинная передача музыкального текста посредственным музыкантом может оказать ошеломляющее по силе воздействие на слушателя. Неадекватность музыкального сопереживания, впрочем, полностью соответствует в обыденной жизни отношениям влюблённых.

В самом обыкновенном, простом предложении можно заблудиться. Например: РАНЬШЕ МЫ НЕ УЕЗЖАЛИ. Это РАНЬШЕ не существовало, не могло существовать. Взятое отдельно, ниоткуда, безликое, ничего не обозначающее

слово. Никак не связанное с весомым МЫ. Вот оно, напротив, вмещает в себя всё: то ли сожаление, то ли констатацию, да ещё вдобавок это нереальное РАНЬШЕ, которое и возможно только в восприятии сегодняшнего кругообразного настоящего. МЫ – теперь и РАНЬШЕ. А УЕЗЖАЛИ или нет вовсе не важно, оно заменимо на любое другое слово. Все они глухо стукаются о пожирающее равнодушие слова МЫ. Путешествие по столь короткому предложению можно продолжать бесконечно.

Rubato (свободно по-итальянски) – искусство жить. Знать норму (законы существования, элементы любого построения), «тротуар», границы дозволенного. Знать, чтобы их с удовольствием преступать. А затем с таким же наслаждением возвращаться в границы нормы.

Повествовательность бывает разного рода. История для детей невозможна, без логических поворотов сюжета, последовательной и завершённой концовки. Однако, если рассказываемая история прерываема слезами, паузами, вопросами, то это уже совсем другой жанр. Восхитительнее же всего ощущение сомнения – а надо ли вообще было рассказывать? Или ещё

больше – внезапно возникшее «нежелание» продолжать. Всё это, если ненавязчиво ощущается в ткани повествования, придаёт ему необъяснимую жизненность ...

Меняется что-либо в мире от того, что конкретно для тебя Бога нет?

У Й.Гата противопоставление: « ... кантилена и беглость – в известном смысле несовместимые, противоположные явления». Но темп не панацея для кантилены: в чересчур медленном темпе замирание звука мешает ощущению певучести. Кантилена – певучая, поющая интонация.

Чем больше исполнитель размышляет о музыке и её сценическом воплощении, тем больше он по сути углубляется в дремучий лес. А ведь знание тропинок своего ремесла, инструментария, необходимое условие для воссоздания даже пустяковой пьески. Отчего любое знание так приблизительно?

Сначала серьги, затем лицо? Деталь не должна быть самоцельной. Тем более украшение.

Кто сказал, что жизнь это не дни, которые пролетели, а дни, которые запомнились?

Мандельштамовские покой и воля не имеют никакого отношения к тишине. Тишина, как и космос, предощущает все шумы мира.

Чему может научить искусство барокко? Что в нём ценного для нас, потомков? Прежде всего открываем для себя феномен обозначенности мысли, весомости каждого жеста, детали, одежды, случайного взгляда. Мы начинаем вдруг понимать, что мир и люди не всегда были бесцеремонны и расхлябаны. Что для выражения мысли или чувства вовсе не обязательны славословие и эмоциональная пена. Что существует ещё и сокровенность переживаний, сдержанность их проявлений, интимность, толерантность. Мы начинаем понимать и ценить природу необходимого.

Библейский Христос у Бетховена (опус 110) не демонический оратор, не борец. Он гладкий. Ему не надо убеждать и «глаголить» истины. Он сам одушевлённая истина. Он просто предлагает жить, как он, идти с ним, за ним. «Тема креста» в фугах не только крепнущая сила, но прежде всего всепроникающее распространение этой убеждённости в каждую деталь, когда вырастает и ширится не только динамика, а

именно убеждённость некоей высшей правоты и радости.

Могу понять эту «невозможность не сказать». Но если речь идёт о фактах, будьте добры хотя бы добросовестно, а не произвольно указать фамилию, возраст, перечень трудов и так далее. Что же касается оценок и предвзятости, то тут всё и начинается с фактологии. Одно вытекает из другого. И стоит ли недоумевать, упрекать авторов некоторых публикаций в недоброжелательстве или тенденционности. Эти псевдотворцы чаще всего просто в силу своей некомпетентности и необразованности не в состоянии охватить то или иное явление, понять и охарактеризовать творческую личность. Они обо всём привыкли судить со своего невысокого крылечка. Их жалко ... впрочем, как и себя самого, когда также оцениваешь приблизительно Бетховена или Пруста.

Художественное произведение не «срабатывает», если одно звено в цепи выпадает. Тогда не помогает ни гений, ни опыт, ни профессионализм.

Что есть музыкальное целое? Как сосуществовать в пространстве с множеством линий?

Впрочем, если линии неожиданно обретают слаженность, тогда почти невозможно проводить только одну линию из-за их соподчинённости. И как же быть услышанным неподготовленной массой? Или всё же предпочесть одну линию всем остальным? Итак, блаженный порядок или не менее блаженный хаос. Всё как в жизни. И не так.

Оркестр – город со своими улицами, закоулками, тупиками, правительствами и бунтами, традициями и нововведениями, сквозняками и тёплыми бюргерскими убежищами, спрятанными от любопытных глаз публики. Город, в котором поколения музыкантов сменяют друг друга, продвигаясь по службе, объединяясь в группы, влюбляясь и ненавидя, веруя и сомневаясь, теряя и обретая... Дирижёры-вожди, правители, диктаторы, временщики. Солисты – факиры на час, раздражители спокойствия, кометы, пролетающие мимо или взрывающие упорядоченную скуку существования, вязкую трясину повседневности. Планета, в которой вечный и единственный Бог – Музыка.

Воспитание полифонией – осознание многомерности, многолинейности миропорядка и повседневной

жизни. Полифония – это не только умение необходимые звуки выстраивать в линии, и попытка соединить их, главное – слышать одновременно все вместе.

Куранта: не «танцевать» лишь королевой (слышать и вести только верхний голос), а благодарно замечать, слышать голоса поддержки, словно в танце руки партнёров.

Мелодия, «крутящаяся» вокруг основной тональности, воспринимается спокойно, но как только голоса начинают спотыкаться о диезы и случайные знаки, так сразу же возникает напряжённое беспокойство. Затем всё, как в жизни: первый импульс – проскочить мимо неясного, нестабильного, невыясненного. Странность, нетипичность, отход от навязанного нам традицией, от привычного, необходима не только для того, чтобы подчеркнуть норму, но прежде всего, чтобы не нарушить текучесть процесса звукового действа.

Если вслушаемся в детали, не пропустим решающие повороты тональных отклонений, тем интенсивнее и эмоционально осознаннее становится наше возвращение в родные звуковые пенаты.

Плывущими облаками наслаждаемся мы не из-за их одинаковости. Как раз покой нашему созерцанию привносит бесконечное их разнообразие.

Шопен: четвёртый этюд из опуса 10 – танец змей.

Отношение *произведения к интерпретатору*: оно может тебя тоже не любить, выставлять локотки, колючки. Оно неуловимо изменчиво: то равнодушно, то размягчаясь, то мстительно напыжившись, то ерошится, то ластится, то простужается … Но никогда не остаётся прежним.

Случайное в искусстве частенько не отличишь от главного, сущностного. И, разумеется, наоборот.

Мотив, фраза – не форма музыкальной мысли, а способ слышания некоего чувства, эмоции, нюанса.

Франц Лист: соната си минор. Композитор – сам и Мефисто, и Фауст, и Маргарита. Многоглазый монстр, соблазняя, смотрит на жертву, то есть на себя, ведь и жертва тоже он сам. Он слышит через призму одной музыкальной темы: тема – весь мир произведения, как целое, состоящее из контрастирующих, казалось непересекающихся сторон, которые на самом деле постоянно встречаются, ведут диалог, трансформируются, сливаются друг с другом.

Эта бесконечная готовность к изменению, до превращения в своего антипода, магнетизирует.

Публика – женщина-оборотень. Плотоядная, неразборчивая, поглощающая всё без остатка, неудер-

жимо влекущая, отталкивающая, холодная. Принимающая, отдающаяся и исчезающая, как фантом …

Клавиши надо «дрессировать» прикосновением и прислушиваться, как реагирует «кусок дерева» на тот или иной аншлаг, что любит, на что откликается, что не принимает …

Всё одинаковое, симметричное, идентичное – лица, фигуры, дома, – вызывает тревогу.

Дети не в состоянии понять: почему им кто-то нравится или нет. Они способны только констатировать некий результат: понравилось или нет, любят что-то или кого-то не любят. Лишь потом начинают интуитивно различать – глаза хорошие, но рот … уши … запах ... При первом восприятии звукового пространства мы все – дети. Голос, звук, аккорд поначалу лишь завораживает или отталкивает.

Любой артист должен помнить об основном Законе сцены – не только для себя приятно и понятно сделать, но прежде всего для других. Отличать собственную увлечённость и удовольствие от конкретного результата.

Французские сюиты Баха – прозрачное, настóенное вино. Кружит слегка голову. Чистота, утончённость, элегантное пританцовыванье. Смена тональностей у Баха обдувает нас как лёгкий ветер.

Разумеется, слышать и ощущать нюансы «прикосновений» необходимо, но внешне не показывать, не вскакивать, не закрываться ... Просто довериться дыханию и течению музыки.

Монотонность – цель. Человек, по сути, стремится не к разнообразию, а к монотонности, к покою.

Завораживают линии: вытянутые, параллельные, округлые. И люди, устраивающиеся по направлению линий.

Мы неосознанно стремимся в жизни придать нашим чувствам некую иллюзорную форму. Преодолеть пустоту одиночества, избавиться от отчаяния, от непонимания – всё это означает ощутить ускользающие контуры.

Правда, в любви и в восприятии музыки мы никаким правилам не подвластны, так как всё зависят прежде всего от состояния души. Это невозможно логично объяснить, потому что никак не связано с разумом.

Ритм музыки и ритмы жизни. Между ними существует необъяснимая мистическая связь. Даже забвение, отрешение, замирание невозможно без подчинения ритму.

Моцарт – ускользающий фантом, всегда играющий с тобой, но одновременно на дистанции от всех,

аристократичный и земной, даже порой откровенно простоватый. Печаль, скорбь в его музыке обитают как бы в непосредственной близости к свету. Жизнь – театр, иллюзия, опера. Всё условно, в масках, за которыми царапины, раны, морщины, отчаяние. Отрешение от, казалось бы, всего личного. Маски, котурны, привычные каноны сюжетов. На глазах у слушателей Дионисийское начало превращается в Аполлоническое. И создаётся некий музыкально-организованный миф, мифологема божественного промысла и человеческого дыхания. То, что Шиллер определял как древнегреческую плавность.

Обозначения пресловутого *своего-твоего места*, карьерная лихорадка, погоня за общепринятыми стереотипами успеха, компромиссы означают только одно – потерю себя, искорёженную морду, возможность лишь кичливого *пузыренья* перед быдлом.

Чем мощнее подъём, эмоциональный накал кульминации, тем больше желания оттянуть накапливающиеся волны, охватить, завоевать, объять необъятное. Это не механическое замедление, а искусство приостановить мгновенье, подвластное только музыке, феномен дыхания в полную грудь, катарсис овладения. Равное полёту, отрыву от земного притяжения.

Лирика не может не быть интенсивной. Замирающая линия – живая интонационная ткань, не прекращающая дышать и после заключительной ноты, бестелесно присутствующая и в ферматах, и паузах.

Демонизм – его корни в невозможности постигнуть явление умом. Эта ускользающая суть и угрожает вроде бы нам поначалу. Но сама по себе констатация или созерцание демонического не воздействует, не завораживает, не удивляет, не тревожит. Всё, не вступающее с нами в непосредственный контакт, всё, что на расстоянии, на дистанции, становится вскоре *нейтрально-привычным.* Нечто на периферии сознания, на информативном уровне. Так же, впрочем, как и красота, нечто экзотическое или абстрактное знание.

Природа демонического проявляется или осознаётся в результате *нашего* вовлечения в его мир и постепенного осознания его как части *нашей* собственной сущности. Интенсивность демонизма в непрерываемом процессе вовлечения. Пронизывание, заполнение горизонта определённым образом мысли, движений, жестов, внешних превращений. Демонизм изначально танцевален. Или сам танец вырос на дрожжах демонизма. Танцевальность всегда соблазнительна завораживающими ритми-

ческами законами, подчиняющими мелодические звуковые линии, и неподвластными рассудку пластическими движениями. И всё потому, что танцевальность изначально присутствует в каждом из нас. Она живёт в бессознательном ожидании раскрепощения от всяческих пут «приличного воспитания», когда танцевальное *бесовство* торжествует над пуристкими лицемерными запретами. Демонизация начинается, когда невозможно объяснить явление, чувство, событие. Но сама по себе демонизация не может ограничиться констатацией. Художественно действенная форма демонизации – танец, где всё позволено и прежде всего возможность превращения, *оборотничества*. В танце расширяются чувственные границы мира реальности до беспредельности и открываются неизведанные пласты существования и прежде всего эмоционального опыта, разрешаются многие табу. Танец не только соблазняющий, прельщающий запретным плодом, а открывающий в тебе самом спавшие, скрытые ростки неизведанного (серединка восьмого номера шумановской «Крейслерианы»).

В танце кружимся мы вокруг да около. Пытаемся постигнуть существо партнёра, или красоты, или мечты, или самопожертвования ... Несмотря на то,

что собственная суть и первопричина наших побуждений и поступков чаще всего непонятна.

Роберт Шуман призывал к бунту против самого себя: не дать собой дирижировать, сам себе дирижёр и попытаться разрушить кажущееся единство «скованных одной цепью», одной несправедливостью ... И нарушал границы открытые в самом себе. *Да* и *Нет* в его музыке сосуществуют в одном пространстве, где всё – *ценностно.* Но для него самого в обыденной жизни?

«Kreisleriana». Восемь попыток приближения к Кларе. Метание между эротическим обожанием, ненавистью, протестами, сладостно гибельным примирением с непостижимой судьбой, что на поверку во всех мельчайших проявлениях – Клара. Цикл номеров Крейслерианы – попытки разгадки страсти. И отважная готовность завоевателя к самопожертвованию. Всё заканчивается потоком лавы в седьмом номере. Затем неожиданная реминисценция из «Детских сцен», звуковой портрет как бы Клары-ребёнка, услышанный, вспоминаемый со смесью удивления и чистоты, в ностальгическом пританцовывании. С чего, так сказать, всё и началось, чтобы потом растворяться в слегка припрыгивающем ритме в холодной звёздной бесконечности.

Шумановская любовь не принадлежит ему одному, просто это воздух которым дышат все.

«Carnaval». Шуман воспринимает мир как маскарад. Он и появляется везде в сопровождении свиты персон в масках. По сути он и есть все эти персоны, примеряющие, или, точнее будет сказать, сосуществующие вместе внутри него, и он расслаивается на множество сущностей, голосов, характеров. В то же время он и наблюдает за ними со стороны, за их превращениями и переживаниями. Не уставая повторять: проще, живите пританцовывая, и ... через строчку, сам уже врасплох захвачен мучительным сомнением.

Ноктюрн. Все мы в той или иной мере принадлежим к масскультуре. Хорошо это или плохо, но порой всё протестует внутри против диктуемых жизнью или обществом канонов. Мы теряем право на самих себя, на свою индивидуальность. Всё казалось бы предопределено и ты начинаешь разговаривать «языком толпы». И тогда мы ищем малообитаемые лагуны интимности, где можно ощутить себя со всеми своими достоинствами, недостатками, мечтами и *прибабахами* – словом, самим собой. Одно из таких убежищ – малообитаемый остров ноктюрна.

С момента создания первого ноктюрна его сопровождает ложно-сладкое клише «переживательности». Ноктюрн поэтому как бы одет в туманную одежду «манеризма». Он прописан в сознании многих в разделе так называемой музыки для сентиментальных барышень. В действительности же ноктюрн – ночная песнь любви – позволяет нам говорить о самом сокровенном. Это может быть самый действенный способ воспитания чувств. Мы учимся ценить одиночество. Мы учимся разговаривать со звёздами. Мы учимся высокому искусству признания в любви. Мы открываем для себя, что ночь вовсе не темна, что в ней много нюансов и красок. Что любовь в ноктюрнах, как и в жизни, не только сладкоголосна, она может быть иронична, насмешлива, жестока, драматична ...

Собственно, об этом обо всём рассказал нам ещё два века назад в своих гениальных ноктюрнах Шопен. Поражает, что уроки Шопена не пропали, не утонули в бушующих океанах симфоний, ораторий, грандиозных сонат, а продолжают своё существование вновь и вновь в музыке совсем не похожих друг на друга композиторов, таких как Чайковский и Пуленк, Кильмайер и Дебюсси, Сибелиус и Хиндемит ...

Баллады Шопена – все на шесть восьмых. Только третья начинается с главной темы. Остальные же со вступлений, в которых композитор словно не решается какое-то время начать повествование, затягивает (во второй и четвёртой) начало, словно не знает как начать, в какой тональности ...

Особняком стоит вторая баллада. История, так сказать, о любви к Русалке (по Мицкевичу). Литературная первооснова, хоть и не доказана, связь или просто мотивы первоисточника очевидны. Женщина – море, океан, бескрайняя стихия, грозящая поглотить до основания. Неохватная, ускользающая, соблазняющая нас пропасть, которая и есть жизнь. Даже погибая, умоляя о пощаде и ... соглашаясь на сладостное исчезновение – ощутимые параметры существования не перестают дышать.

Иллюзия пританцовываюшего, вечно ускользающего, текучего мира, наркотически привлекающего нас. По существу это сама музыка, бескрайний океан звуков, которым невозможно овладеть. Он отдаётся тебе, соблазняет, и остаётся вечно неизменным, нетронутым ...

Играть коду следует не очень быстро и не сражаясь с ритмом, тем более с пассажами, а умолять в прерывистых мотивах о пощаде и не пропускать

ни одной интонации и гармонии. И в конце, в смертельно-любовной схватке погибнуть на зависшем неожиданно всплеске, захлебнуться ... Только тогда на остывающей поверхности океана услышать отголосок ностальгически пританцовывающей темы в ля миноре.

Танцующие города. Пританцовывающие: Сиена, Вена, Барселона.

Преувеличения: с них начинается приближение к себе, постижение себя. Нельзя заметить, обнаружить, так сказать, себя со стороны – только преувеличивая, ты видишь и слышишь. Не довольствуешься лишь первым ярким чувством. Также довольствоваться театром других – удел молодости. И с опозданием замечаешь себя, свою особь. И понимаешь лучше других. Это не менее интересно, чем сравниваться или уподобляться другим.

Стиль – означает жить в соответствии с собой. Чистота стиля – это сохранение профиля со всеми его несоразмерностями.

Открытие нерезкости, приблизительности.

Симметрия в лицах?

Примерно сто лет назад крупный русский композитор и критик Цезарь Кюи едко заметил по поводу ранних сочинений Скрябина: «Можно подумать,

что найден чемодан с неизданными сочинениями Шопена!»

Так, с самого начала, в отношении Скрябина никогда не было взвешенной, спокойной оценки. Одни критики полностью отказывали ему в творческом своеобразии, упрекали в подражательстве Шопену, Шуману, Вагнеру, Листу, Чайковскому. Чуть позже неистовые апологеты его музыки выдавали произведения композитора за откровения некоего Мессии. Сколько расхожих и друг друга уничтожающих клише существовало и до сих пор ещё существует, когда речь заходит о Скрябине: истинно национальный композитор, и ... «псевдорусский», «без фольклорной основы», подражатель; высочайший мастер-профессионал и ... любитель, не умеющий грамотно оркестровать; оригинальный философ и ... назидательный схоласт; тончайший поэт и ... салонный, манерный художник; дерзкий новатор, бунтарь и ... мещанин, обыватель ...

Можно бесконечно продолжать в этом духе. но самое удивительное, что почти всё это в какой-то степени и в самом деле сочеталось в Скрябине. Пожалуй, в истории музыки вряд ли можно найти композитора, сплошь сотканного из противоречий, как Скрябин. С одной стороны художник, обуре-

ваемый гигантскими замыслами постройки башни для избранных в Индии (!) и «светопредставления» в своей гениальной, незавершённой «Мистерии». С другой – болезненно мнительный человек, почти никогда в своей жизни не выходивший один на улицу ...

Автор «Поэмы экстаза», Поэмы «Прометей», «Сатанической поэмы», 3-х симфоний, десяти сонат, художник, стремившийся к синтетическому искусству, которое должно было бы отразить его философские идеи и излюбленные образы, полные «скрытых стремлений» и увлекающие людей, «преодолевая сопротивление» устремлять свои помыслы к звёздам.

Однако гораздо ближе другое известное его высказывание: «Ах, все эти теории теориями, а музыка музыкой».

Конечно, в скрябинской музыке есть завораживающая тайна магии. Она полна прежде всего теплоты, поэтической непосредственности и необыкновенной душевной полноты, эмоциональности. Вот эта предельная искренность высказывания делает музыку Скрябина особенно трудной для исполнения. Композитор никогда не бывает «серединным», не высказывается вполсилы. Его проявления чувств

в музыке, если так можно выразиться, – экстремны. Он как бы в них растворяется до самозабвения, без остатка. Поэтому при исполнении Скрябина, всегда есть опасность безмерного преувеличения, даже вульгарного физиологизма, когда увлекаясь частностями, забываешь о его неодолимой жажде гармонии *прекрасного*, об архитектонике его композиций. Странно, когда именно эти необузданные преувеличения, иные критики воспринимают за проявления «загадочной русской души».

Завораживает у Скрябина жанр прелюдии, который изначально означал вступление к главному. А у Скрябина вся музыка соткана из предощущений, словно всё в жизни так или иначе прелюдийно, то есть одна прелюдия следует за другой бесконечно, и ты ощущаешь в каждом жизненном мгновении и эпизоде столько самоценной глубины.

Скрябинские прелюдии – это своеобразная энциклопедия душевных пейзажей, своеобразный каталог говорящих цветов, это развёрнутые звуковые стихотворения, заставляющие вспомнить то застывшую лаконичную концентрированность трехстиший Басё, то ностальгические мотивы Александра Блока, то медитативную углублённость Рильке ...

Традиция и новаторство. Ещё Поль Валери давно сказал, что в 20 веке родился некий «автоматизм новаторства». Когда любой ценой, потакая слушателям или зрителям, художник заражён процессом «выдавания» так называемого нового, необычного. На самом же деле это чаще всего лишь поверхностные, раздражающие лишь ухо или глаз внешние эффекты, которые мельтешат перед нами всё в возрастающем количестве. Это своеобразный рынок клипов. Гораздо труднее следовать высокой традиции или вернее находить гармоническую ***норму*** в произведении, чтобы обрести высшую ЕСТЕСТВЕННОСТЬ. Естественность профессионала, умеющего при разработке деталей доводить свой труд до высшей законченности, не утрачивая духа и композиционной природы целого.

Е. К. не разочаровывает: класс, техника, серьёзность, эмоциональная отдача, замысел, выверенность, звук, интонирование, краски всё на месте. Идеальная норма ... почти музейный экспонат. Так играли в нашем веке. Так задумал композитор. Уравновешенная гармония целого. Застывшая звуковая архитектоника.

Но, частенько, скучно. Заранее известны повороты фразировки, мера динамических кульмина-

ций. Словно «клавирный даун» с неразвитыми эмоциями. Вернее эмоции глубокие, интенсивные своей энергетикой, но ... ограниченные. Набор чувств, доступных подросткам.

Возникает ощущение монотонности. Даже эффекта некоей муляжности. Некто в человеческом обличии ведёт тебя вместе с автором по звуковым тропинкам, и как бы чувствует так, как надо, но тебя не покидает ощущение высококлассной имитации. Без запаха, без разочарований и потерь, без любви и ненависти. Драматично – да, лирично – да. Но нигде не теряя и не теряясь, без надежды, без боли ...

Замкнутый прекрасно-музейный мир, который на поверку не адекватен природе музыки, развивающейся во времени. Вот уж где входят дважды в одну реку, потому что и не река это вовсе, а искусственный благоухающий водоём, имитация реки. Восковые фигуры мадам Тюссо.

Парадоксально, что умение создать Норму подвластно в наши дни только может быть ему. Огромная масса исполнителей и педагогов стремятся к подобному результату. Но вот, когда он перед тобой, он ... не нужен и скучен. Лишён спонтанного дыхания, неожиданных находок, ошибок, нарочитостей, преувеличений и ... несовершенства.

И.П. выходит на сцену эдаким медведем, недружелюбно и к залу, и к роялю, словно с трудом преодолевая спёртый воздух ожидания. Ненависть к публике: его купили, заставляют играть, но он сейчас покажет, заманит, вывернет всё на изнанку. Превратит в труп. Созданные композиции лишь повод показать себя. Никакого движения. Препарирование эпизодов, главную тему спрячем внутрь, можно и напрочь отсечь, изменить ритм, а уж соотношение, баланс регистров? Кто сказал что существуют каноны. Существует реально лишь его власть препарировать по собственному усмотрению, тыкать носом глупую слушательскую массу в вонючую застывшую звуковую невнятицу и заставлять её восторгаться несуразицами. К сердцу приставить задницу, объявить любовь вне закона, а нежность и удивление? – это вообще одни выдумки. В конце конечно, вернуться на короткое время к тексту, сорвать аплодисменты, и снова в холодные закоулки мазохистких выворачиваний кишок наизнанку.

Бесконечность божественна. Как и музыка. Эффект воздействия Музыки необъясним, как и осознание бесконечности. Как любовь, не знающая границ, и дающая сумасшедшее нереальное ощущение собственной бессмертности. Они тождественны –

бесконечность, музыка, любовь. Это и есть ощущение жизни. Ты погружаешься в океан бесконечности с иллюзией завоевания, охвата, обладания, но в действительности это некая сила, то засасывающая, дразнящая, отдающаяся, ускользающая, вздымающая, бездыханная, уничтожающая, растворяющая, воссоздающая, – владеет тобой ... По сути ты лишь часть этой бесконечности, называемой музыкой, или любовью, или жизнью. Ты и не можешь изначально ничем обладать, потому что сам являешься частицей целого. И уже априори обладаешь лишь готовностью к *узнаванию* этой бесконечной дороги.

Басы это не просто низкие голоса, они определяют не только аккордовую вертикаль, как у венских классиков, но и меняют течение времени, как у Дебюсси в «Парусах», «Пагода» других. Открыв для себя восток как образ мышления, медитации, он замедляет время, оно зависает у него, позволяя открывать в застывшем мире неведомое противостояние звуковых пластов. Всё через призму неизменных басов слегка колышется, но внутри этого света, льющегося как бы сверху. В этом и волшебство: низкие звуки, покрывающие, пронизывающие всю остальную ткань. Важнее всего ощутить пульс движения, дыхания музыки. Уйти от только

горизонтального мышления, научиться дышать в недвижимости. В знойном покое «Парусов», слышать повторяющиеся вскрики то ли чаек, то ли дельфинов, ощущать под ногами покачивающуюся на море палубу яхты, лёгкие движения спущенных парусов и угрожающее глухое дыхание океана, или в «Пагоде» прислушиваться к колоколам, примериваться к высоте храма. Бас, как Бог. Он то неосязаем, то вновь появляется, но его присутствие, звучание везде и всюду.

Женщины – это евреи под немцами, сказала Вирджиния Вульф. Женщины – это еврейские негры, сказал Сартр. Между тем, евреем быть означает ни принадлежность к религии, ни принадлежность по документам к какой-то группе. Просто судьба. Обладание звуковым слухом, принадлежностью к тональности изгоев. Гой или еврей. Или наоборот. Не имеет значения. Просто еврей всегда связан с указующий перстом в независимости от национальности в паспорте. Моё еврейство не только *огляд* всего исторического, уже случившегося, утекающего в глубину времени, но и свет, некая влекущая сила в будущее. Евреи один из самых смешанных народов И в тоже время один самых сохранившихся и сохраняющих свою самобытность.

Некая неумирающая театральная сцена, на которой не прекращается действие увлекательной пьесы для всего человечества. Вот и возникает вечная проблема и выбор: стремиться постоянно быть другим или оставаться самим собой.

Иррациональное чувство от распространённого выражения: *дом там, где ты умереть бы смог*. В смысле кладбища или упорядочности?

Человек человеку – Бог (Фейербах) или античное – волк?

Никто не остаётся неизменным. Все отдаляются в нашей памяти ещё при жизни, превращаясь в бестелесные, бесцветные свои подобия. Но самое же поразительное, что в один ряд выстраиваются друзья и недоброжелатели, родственники и случайные знакомцы, незначительные происшествия и важные события, любимые места природы и мало знакомые жилища, города ...

Если находишься *внутри явления*, вроде как нет и самого явления, его контуры часто неохватны. Для немцев, проживающих в Германии, германское в повседневности само собой разумеющееся и, подчас неощутимо и непознаваемо. Или предстаёт в искажённом, случайном облике. Так и русские *не в ладах* с истинно российским, евреи с еврейским.

Ощущая себя в сознании одновременно не только некоей жертвой, но и судьёй, а то и палачом. Выход из своего времени, за историю, в конечном счёте за пределы собственного эмоционального ощущения удаётся не каждому. И означает не готовность к отказу от себя, а осознание неделимости мира и себя как части этого мира. Также и время: в середине времени не существует как бы никакого нейтрального, объективного времени.

Грядущие воспоминания о нашем времени никак не будут совпадать с *рыхлой* действительностью, в которой вязнешь как в болоте. Они без сомнения будут отчётливее, безоговорочнее в своих оценках и акцентах. Прошлое не умирает, а становится частью настоящего.

Смерти исторических персон словно бы уравнивают их в нашем сознании. Хотя человеческая боль и страдания сопровождающие каждого из нас от рождения до смерти, не остаются неизменными, известная ли это личность или ты сам. Неизменна лишь всеобщая принадлежность без исключения к этой бездонной пропасти существования – боли. Что дало повод кому-то из великих заявить: жизнь достойна оправдания лишь как явление эстетическое. Или что-то в этом роде.

Известны ли другие случаи массового сознания, когда каждый оставался бы свободным от навязанной той или иной эпохой понятийно-ценностной фундаментальности?

История всегда связана и не связана с жизнью сегодняшней, которая с подростковым рвением пытается её отрицать.

Осмысление собственной незавершённости – это бесконечный процесс и непрекращающиеся попытки воссоздать целостность разорванного мгновенья, дня, всего окружающего пространства. Тогда и возникает мечта о жизни и существовании, не обременённых конечными целями.

Как не согласиться с Гёте: «Манерность всегда стремится закончить поскорее и не испытывает наслаждения от работы». Можно лишь добавить: закончить, чтобы поскорее покрасоваться эдаким Нарциссом – это и есть её цель.

Необходимость всего сущего предполагает, что в природе добро и зло имеют равные права. Если творения природы бесцельны, то можно ли деяния таланта уподоблять природе или утверждать, что они тождественны?

Смог бы я повторить за Маркионом: «Мой бог обладал бы величием души, позволяющим ценить

тех, кто в него не верит»? Не убеждён. Скорее всего согласился бы с Полем Валери: «Что касается веры, я её не ищу, но и не избегаю».

Поиск непременно божественного, чтобы попасть в рабскую зависимость от бога, доктрины, власти, лишает нас собственного опыта, собственных размышлений и ошибок, привязанностей и любви. И в конечном счёте – индивидуальности. Неважно, кому мы поклоняемся – богу, вождю, начальнику ... Какая уж тут свобода духа, если твой разум в тисках различных табу, не позволяющих сомневаться ни в тайных стезях порядка, ни в могуществе Всевышнего, который, вероятно, и не смог бы создать мир другим, ни в самом себе, ни в тождественности Бога и вселенной. А служить догмату, да ещё и с веселием? Чтобы в самоотчуждении, подчиниться слепо некоей власти? Увольте.

Конечно, человек зависим от обстоятельств, сильных мира сего, он слаб и смертен ... И всё же чаще всего так называемая мудрость смирения и преклонения – саморазрушение.

Против идеи, укорененной в массовом сознании, нет средств борьбы кроме – времени.

В интерпретации всегда наступает момент, когда человек желает или повиноваться, или господствовать.

Всегда ли человек должен избегать диссонансов? К гармонии, к сожалению, тоже привыкают. К диссонансам привыкнуть невозможно. От бессилия преодолеть их мы осознанно прячемся в нише звуковой устойчивости, наивно полагая, что спасаемся от реальности.

Размышлять о звуковом хаосе, значит заранее соглашаться с невозможностью его познания. Хаос наделил нас не знанием своих параметров, а приблизительным умением о них рассуждать. Это и означает слышать мир и представлять себе всё только в меру своего понимания. То есть обозначить свои границы восприятия звукового пространства. Он даже не может справиться с собственной памятью, возвращающей нам не то что мы бы хотели, а то, что ей угодно. Не говоря уже о сокровенных вопросах: существует ли что-нибудь или ничего не существует? Знаем ли мы что-либо или ничего не знаем? И, наконец, живём мы или нет?

Мои будни часто лишены всякого смысла и последовательной логики; я не знаю, что хотел бы сказать, сделать и, тем не менее ... принимаюсь с воодушевлением корригировать детали, оправдывать свои деяния и поступки, придавать несущественному высокий смысл, задыхаясь в словоблудии. Про-

должаю вроде бы нестись по инерции куда-то, хотя на самом деле топчусь на месте.

Наше слуховое бодрствование, может, порой и более глухо, чем воображение. Но и оно: разве в состоянии позволить что-нибудь предвидеть или услышать звуки будущее?

Причина несчастья – это всегда *неслышание*.

Если бы наш слух способен был воспринимать хотя бы постоянство параметров и незыблимость логики звуковой красоты у больших композиторов, то он с таким же успехом способен был бы воспринимать и её изъяны, готовность её к изменению. Мешает всеядность восприятия.

Как разно мы судим сами в разное время об одном и том же. Воспринимаемые нами явления не сохраняют навсегда свою сущность, а уж тем более форму. Всё зависит от нашего суждения. Поэтому нет ничего, что бы все воспринимали одинаково.

То что мы меньше всего знаем, лучше всего мифологизировать.

Можно находиться в поисках звуковой гармонии, но способен ли человек найденную гармонию постоянно повторять и слушать?

Кто в своих художественных опытах не терял первоначальный смысл, кто не принимался с жаром

исправлять и вкладывать в произведение новые импульсы, кто не терял способность к хладнокровному рассуждению?

Отказались от Бога? Он первый? А зачем испытывать всё на веру, как это примитивно, подчиняться необъяснимому, тёмному, отдавать на заклание детей? Невозможность постичь окружающий мир и жизнь вовсе не означает в страхе ожидать, пока тебя сожрут твои же собственные адепты.

Только ли в Каббале всё измеряется числами?

Удел избранных не просто выдержать, но и любить своё (подчёркиваю) одиночество, не боясь лишиться связи с большинством.

Любое звуковое построение в речевых или музыкальных сферах направлено на предание жизни отсутствующих у неё контуров, некоей пусть и иллюзорной, но архитектоники.

Кто сказал, что дать отчаянию имя – это значит победить его? Какая чушь.

Пейзаж – состояние души (Амьель). То есть, наше восприятие пейзажа зависит от соответствующего нашего настроения. Вспомним Клода Моне.

«Бережно храни то, что вызвало недовольство публики, ибо это – частица тебя». В этом выска-

зывании Кокто верно, конечно, что – это «частица тебя», но «бережно хранить» её, нарочито культивировать, только потому, что вызвало недовольство публики? Назавтра уже и публика будет другая, да и сам ты изменишься до неузнаваемости.

Когда начинаешь работать над произведением, надо добровольно отдаться в его власть. И в этом ограниченном пространстве учиться жить, обживаться, как в тюремной камере.

Рахманиновская знаменитая прелюдия до-диез-минор по сути о смерти. Тема её звучит неумолимо и не видоизменяется. Всё трепещет, стонет, протестует, противоборствует. Но тема триумфирует, всё охвачено пафосом неизбежности смерти. В конце человеческие интонации удаляются в ничто, в пустоту. Прелюдию нельзя играть эффектно, это строго ледяная прелюдия, как короткая прелюдия жизни к смерти.

Мужество ли плыть без цели, как щепка, и радоваться неожиданностям?

Природа прекрасна не для того, чтобы перед ней постоянно раскланивались.

Мы хотим другое время, недовольны своим. Но продолжаем любить и оправдывать себя.

Можно ли любить всех? Можно ли любить пятый палец или своё колено? Это же всё часть себя.

Если бы он (она) тебя не удивил (преследовал, показал, обидел ...) ты был бы другим.

Есть так называемые деятели искусств (писатели, артисты, музыканты, художники), великолепно оснащённые отдельными навыками, которые они блистательно используют без всякой на то необходимости: артист Борис Л. до старости демонстрирует умение почти в каждом выступлении прыгнуть в шпагате; джазовый пианист Леонид Ч. носится с невероятной скоростью по клавиатуре по затверженным пустозвонным пассажам; поэт Дмитрий В. не расстаётся со своей ласкающей, приторной интонацией; писатель Александр П. потрясает без удержу гиперболами и метафорами, ловко эпатирует ложными фактами и переворачивает события, лишь бы переворачивать и забавляться. Но как бы не были заразительны и великолепны эти отдельные умения, художническая сущность остаётся ничтожной.

Музыка самое ясное и одновременно необъяснимое искусство. Иногда интерпретатор не понимает, **что** по смыслу он играет, слушатель не понимает по смыслу **что** он слышит. Но вместе наслаждаются ... бессмысленностью.

Иметь мужество или мудрость уходить от себя, от наработанного. Примерить чужое, другое, даже

враждебное тебе. Это не отказ, а расширение горизонта своего сугубо индивидуального. Худший путь всё примерять на себя, подгонять под себя. Интерпретировать – это не подбирать костюмчик по размеру, чтобы потом лишь демонстрировать только себя, но в новом платье.

Учитель часто в отчаянии от невозможности хотя бы чему-нибудь научить. Это когда ученик не хочет учить новое, потому что хочет учить просто то, что хочет, то есть лишь уже знакомое. Естественно, в таком случае он не учится ничему. И учителя посещают горькие минуты сомнений: зачем ты учитель, если самая неблагодарная миссия – учить? Зачем ты учитель, если по сути остался учеником.

«Что видел западный ветер» Дебюсси. Словно земля тяжело дышит, с придыханиями на «2 –И».

В чём разница между актёром и клоуном: клоуны – часть публики или могут, во всяком случае, моментально стать её частью, они не играют роли, а примеряют маски и вроде бы остаются самими собой, они неожиданны и контактируют напрямую с зрителями. Они как бы всем своим поведением говорят: мы все вместе, но мы разные, и это замечательно. Давайте дружить и смеяться над собой.

Естественность не нуждается в косметике. В красивой мелодии надо постараться избегать преувеличенной выразительности, подчёркивания так называемых красот.

Соподчиняются регистры не только на динамическом уровне, но и пространственно («Паруса» Дебюсси)

Интонационная схожесть, родственность тем финалов ор.109 и ор.111 Бетховена. А также темы середины из фа-минорной Фантазии Шопена.

Часто то, что верно применительно к одному композитору, то верно и для других. К какому бы художественному направлению он не принадлежал. В восприятии же решающая активная роль принадлежит слушателю и полностью зависит от его образования, вкуса и самое главное – готовности к восприятию.

Бах. Думать не только прежде всего о линии. Об изменчивости характера. Быть готовым к модуляционным отклонениям, превращениям, к слышанию всей палитры. Так как наш слух воспринимает и может моментально фиксировать неосознанно все окружающие нас звуки. Пальцы – ничто. Хотя и они ведь в обыденной в жизни могут невообразимо много. Линия должна состоять из теплой глины.

Как и сам человек. Как время, дыхание, свобода.

Ритмы самой жизни, будней подчинены некоей музыкальной идее. И дело тут вовсе не в конкретной несмыкаемости с музыкой, секреты которой мы не в состоянии рационально объяснить. Просто эта связь всегда ощутима.

Древнегреческая концепция красоты, порожденная страданием и стремлением избавиться от горестной жизни, живуча до наших дней. Отсюда потребность в мистическом, наркотическом опьянении, когда в полусознательном состоянии возникает иллюзия властвования над пространством и временем

Только давно исчезло желание подчинить всю эту вакханалию ритму, и в танце и музыке попробовать излечиться от пороков. И хотя ходим мы на котурнах, надеваем без всякой потребности маски, да и существуем по сюжетным канонам греков, никакого апполонического отождествления со всем человечеством и отрешения от всего личного давно нет. Каждый сам по себе.

По сути человечество всё больше актёрствует и поёт на интернетовской псевдоэстраде („FaceBook“ и прочие), кичится, кричит на телевидении, все – проповедники, призывающие на словах к люб-

ви. Но когда бедствие, редко кто раскошелится и на деле поможет.

Почти сто лет тому назад Юрий Анненков в некотором отчаянии вопрошал: «Не опрокинуты ли мы в самые страшные глубины **безмузыкального сознания**, в глухоту и черноту, в провалы, зиявшие перед русской интеллигенцией?» Поразительно, что «безмузыкальность сознания» характерно для большинства так называемых музыкальных произведений, заполонивших современное звуковое пространство.

Почему мы стремимся создать нечто законченное. Ведь в природе всё незавершенно, текуче, спонтанно.

Природа акцентов. Ударить, подчеркнуть, или просто заметить? Не пропустить. Задержаться, обратить внимание. Но не нарушить течения и общей направленности музыки. Стиль и акцент. Личность и акцент. Моцарт, Шуберт, Шуман.

Акценты преходящи. Они выводят нас из ряда. Из опорного импульса. И реагировать на них легче, чем на сильную долю, на основу. Путь акцентирования – наилегчайший в искусстве. Лес – это деревья, а не движущаяся между ними фигура. Полифония Баха сильна своей обыденной структурной связкой,

удивительно стройной логикой развития. Всегда гораздо интереснее в обычных мотивах разглядеть, расслышать правоту интонаций, нюансов, взаимосвязь мельчайших деталей. В акцентах нет категории красоты, как таковой, отдельно взятой: сегодня одни акценты, завтра другие. Замечательно убеждаться, что всё соткано из одного и того же штофа, мотива, ритма и следовать за бесконечными трансформациями. Кстати произрастание дерева или взросление человека происходит по тем же законам.

Любить несовпадения, наслаждаться ими. В истинном искусстве эффект несовпадения линий присутствует почти всегда. Так же, как и в любви, почти всегда ощутим горьковатый привкус.

Писать по слуху. Инструментовка фраз в определённой тональности.

ПОЭЗИЯ

Звук

запястьем задушевной запятой
зануда-зеркало закрыло занавес
забавным звёздным заверениям –
звенеть, звонить, зачем-то зазывать
в водоворот властительных
возможностей
верховодить высотами восхода вместо
вампирных вожделений вальса
вроде влюбляться, вроде выть, вроде
влюблять …
убранство увертюры – уже упрёк
унылости условий, усердию усмешек
угодливым услугам унисона
участвовать, усердно утешать.
конец комфортному капкану:
кому конвой, кому контакт,
кому крупинка крутизны
курьёзно кукарекать, киксовать ...
звук званый золота зернистого,
вздох, веко века, ворожба,
утро убежища уединённо-льдистого,
купель, качели, кружева ...

Чудо

Чадит часов чеканных череда,
Черёмухою чтят чахоточное чудо,
Черновика чернильная черта
Чудовищное чтиво чертит чуждо.

Ужель убежище убийством утверждает
Уверенность ущербного удела?

Декабрь добро дождливо догоняет,
Двуличное достоинство дозрело.

Очнись! Обманут! Очевидно!
Остывший образ? Он отцвёл.
Оттенок облика обидный -
Освободи! Осанна! Ореол!

* * *

То был не дождь!

В распахнутые окна
предчувствие слепяще ворвалось
и захлестнуло музыку.
Что звуки фортепиано -
всего лишь звуки.
Их нарочитое лукавство,
столкнувшись
с саднящим вероломством памяти,
на полуслове замерло.

То был не дождь?

Зелёное неистовство ветвей
раскачивало мир
и в нетерпеньи изнывало,
чтоб ты вошла
и примирила музыку с дождём.

То был не дождь...

* * *

Сумерки,
таинственная вязь
парящего мгновения,
что слышит,
как стынет площадь,
уставая
копить подробности,
внезапно и шутя,
что вырастают из горбатых улиц,
пронзая взгляд
созвучием нестройным
далёких облаков,
осколков смеха,
всхлипов тормозов,
а также зелени,
что, плавясь и вздыхая,
туманный поворот в себе таит,
откуда,
наказанием грозя,
вот-вот автобус вынырнет
и увезёт тебя.

* * *

когда
весенней судорогой
сжало атласный
снежный профиль января
меня зимы
озябнувшее жало
ехидным росчерком
снесло с календаря
лихая оторопь
простуженной дороги
исчезнувшие звуки возвращала
надежда ширилась
и лик твой строгий
опять горел апрелем
предвещая
искристое участье

* * *

То ли закат, то ли рассвет,
и ливня звук оцепенелый истаял только что.
От обморока оживает не спеша
рябины куст, продрогший и неловкий,
и, сосен влажности лишая,
сочится пожелтевшая хвоя.
Взгляд лес объемлет молчаливый,
всё глубже проникая в темноту,
где сосны невесомые стыдливо
кружат в испарине, скрывая наготу.
Звук одиноких капель звонок, и,
разрастаясь в тишине,
всё – лес, и всё – едино,
и путь к тебе недолог,
но более ты не нужна уж мне,
зато необходима ветру,
что, вдруг ворвавшись,
возразил обманчивому равновесию,
не весел, он опрокинул лес,
срывая шишки, как плоды,
и мягкий перестук их, – слышишь, слышишь? –
сюжет разящий лепит о тебе,

о торжестве разлуки,
что кричит о бесконечности
и властности минуты,
что начало, вспыхнув,
обозначила причалом, начало,
что летящим продолжением живёт ...

* * *

молчащие нелепо две страницы –

акации стеснительный упрёк
речистому свечению зарницы

– и это Шуман музыкой нарёк? ...

Найти звучание, изверившись сначала,
твоим однажды образом
безмолвие пленилось,
всего лишь ничего – музыка зазвучала ...

.....

фиалки нежной тонкий аромат
грохочущим прибоем захлестнуло,
пространство правоты без пауз и фермат
частушку ядовитую вернуло.

* * *

... плен
пустоты –
    тяжёлый
                плеск
минут,
    отравленных
покоем,
... тлен

Метаморфозы

Семёну Перелю

Единожды в трёх лицах жид спешит,
и устремляется всё к новому обличью,
только бы не видеть, как в глазах горит
нетлеющий огонь антисемичий.

Как будто в лицах есть покой...
метаморфозы имени, как блики.
Кто говорил тогда со мной
о лицах гладких и безликих? ...

Покой и воля, некому сказать –
убежища обличий развалились,
всё спуталось и сладко повторять:
мои и ваши лица воедино слились.

Воронежский изгой и узник Осип,
как жаль, что не было вас с нами,
когда писали мы не о любви в ту осень,
и распевался Бабелем цунами ...

Сквозняк, предательство, любовь и боль,
но только равнодушьем не неволь,
давно я часть тебя, и всё к тебе иду,
и плачу, и смеюсь – я у тебя в плену.

Тоскливый праздник холодеющих седин,
больное, снежное лицо,
судьба одна, и путь один –
российское рассветное крыльцо.

* * *

Усталый сумрак интермеццо,
морозное безумие дразня,
в надежде безразличием согреться
загадками дышал вокруг тебя,
но вот берёзовою, северной тропою
достигла ты июньского каданса,
чтобы он зажёг чертополохом
над тобою знобящий сон,
неверный сон о невозможности
любить иначе,
о торжестве неправоты,
что чинное благоразумье прячет
в крейслериановы мечты.

* * *

Дочери

Внимая звукам – это значит
отдышкой прозы обозначить
февральских жалоб маету.

Внимая звукам – сладостную муку
в наследство от Бетховена принять
и раствориться в шумановских грёзах.

Внимая звукам – это не разъять
жизнь на годá, созвучия на звуки,
теперь-тогда-тогда-теперь ...

Внимая звукам ...

* * *

озноб черёмуховый, не спеша,
май покоряет белыми очами,

черёд отшельников
в бормочущий бордель
завет заики привнести
и в прятки безымянно поиграть:
якобы явление язычников настало

и вновь июльская межа
грозится и мерещится ночами

* * *

Знакомый метод местности метровой –
мельком мелодию мелизмам обучить,
в шёлк шелухи одеть число без чина,
и уши шантажу шарманки подчинить.

Набросок подвига – лишь робкий повод
для повести о собственной стране-балете,
где жирный житель, шмель шипучий,
шитьём шиповника возвышен танцевать валетом.

Жевать туман, и не любить, не петь,
в обители обид, как в клетке обезьяньей,
резерв резиновый отечества моего
свободой полн и самоузнаванья.

Граница – шаг, один со всеми,
порог – не мёрзлый меридиан,
всё – честный заговор наивных заголовков,
и шествие теней любимых караван.

Лес

Нюансы зелени – двуличный гул
затей игривых проржавевших спален,
капкан сочувствия,
где в сотах горьких грусть грызя,
топорщатся глухие дерева.

Нюансы зелени – затишье междометий,
среди среды средневековой
список спин, ровесников
моих-твоих, готовых-не-готовых
совпасть с наивностью обложки
под названьем *л е с.*

Нюансы зелени – рукоплесканий рынок,
где ходкий хмель, стыдясь и суровея,
остывшее безумное брожение бранит,
что тщетно двигалось, казалось бы вперёд,
лгало себе, себя и предавало,
и оглянуться не успело,

как зельем зелени опутано,
опьянено навек,
оставив в назиданье нам
безмолвье, неподвижность
и нюансы.

Снисхождение

Мне снова снилось снисхождение –
закон иль власть, иль кто ещё главней,
яишницей-шпионкой скворчал, заискивал,
и обещал ещё вдобавок гарнир гарантий.

Затем чрезмерная лесть лестницы:

Проступки простыни? –
простили, просто пустяки ...
Прошу наверх.
Мы двигаемся вниз –
Самообман.
Линялой линии лишился лоб?
Ах, это поправимо.
Теперь наверх, наверх
спускайтесь!
Всё верно,
вы в другой системе ощущений.
Система, как система.
Нужно лишь поверить.
Или привыкнуть.

Насчёт чего, простите?
Ах, адресочков-адресов?
В принципе, возможно,
всё возможно, было бы желанье.
Ещё шажок,
ещё один,
теперь босяцкий ваш язык
отдайте нам – вот хорошо,
уже полегче, правда?
Занозы? Их сюда.
Туда больные вести.
Ещё наверх спуститесь – молодец!
Ну, подарите, наконец,
нам, жуткий этот сквознячок!
Спасибо, уф-ф… совсем легко, не так ли?
Вниз – выше, выше!
Вот вы уже у цели...
Конечно же, один,
при чём же здесь другие?
О прочности не беспокойтесь –
ни окон, ни дверей,
лишь камень снисхожденья.
Холодновато?
Будет холодней ...

* * *

Манеры невесомости –
манёвры вальса мерных дятлов,
что бьются с траурною вестью вглубь вестибюля.

Манёвры вальса –
окрики окраин о тайном сговоре,
о лютости прилюдной, о разладе.

Окрики окраин –
пустыня пустяков.

Пустыня пустяков –
закопанная в дым окрестность.

Закопанная в дым окрестность –
круг кроткого единогласного бессилия.

Круг кроткого единогласного бессилия –
погоня поговорок в передовицах газет
за славными делами работников погромов.

Погоня поговорок –
брезгливое благотерпение телезрителей
к терпкому аромату арестов и убийств.

Брезгливое благотерпение –
пляшущие пляжи беженцев
в очередях за питьевой водой ...

* * *

Седой зал-отчим, милости мизинец
не стану я как прежде у тебя просить,
чтоб публика в марионеточном казино
могла меня любить, а не казнить.

К чему мне нудный насморк наставлений,
история провалов и наград,
аплодисментов, иллюзорных самомнений,
и тёплой, липкой лирики парад.

Я помню бархатную бдительность барьеров,
бесшумного бесправья барабан,
науку бегства от беды – жизнь, не карьеру,
всё остальное снежный балаган:

когда бессонница, смущение запрятав,
ведёт бредовые расчёты натощак,
чтоб раз хоть проплясать по сцене фатом
и с сытым зрителем смеяться сообща;

когда бельмо библиотеки беллетристика
ликующим белком сверкает из приват-берлоги,
когда швею-фантазию распродают
до листика,
и наглость нагишом гарцует на треноге ...

Эй ты, заложник залежей сомнений,
скажи себе: я человек лишь, а не бог,
и свой комочек имени оставь
под собственною тенью,
и тенью с кем-нибудь начни желанный
диалог.

Казань

Калитка, корневище, карамель,
Кириллицы кичливой кабала,
Картавых, косных клавиш канитель,
Казённая кремлёвская кайла ...

Афинские авансы, авгиевы альковы,
Зачатье западни, зарок Заречья,
Закатным золотом закованный,
Арканный адресочек алтынчечий ...

Невидимая невидаль, награда невпопад,
Нарядная нескладица, невежда,
Наркозное неведенье, навет, набат,
Напевная, надменная надежда ...

Ерушалаим

Семёну Лерману и Семёну Перелю

Ерушалаим, белое видение,
вино твоё и краски ворожу,
и преданной сиделкой в песнопении
тебя ищу, теряю, нахожу ...

в то время как мелодия
странным, обманным пассажем
вызмеивается в обратном направлении,
рассыпается дождевым песочком,
под которым три Семёна,
Сёмы-Сени-Самуила,
Шимона-Саймона-Шмули
блаженно актёрствуют,
с удовольствием месят грязюку
бездорожья, летают в забытьи над
пересмешницей Казанью
вдогонку за российскими музами,
за Верами, Надеждами, Людами-Любами,
которые, впрочем, с не менее наивной
доверчивостью тоже мокнут и мокнут

под дождём, заклиная податливых
Семёнов магической девяткой,
чтобы они черёмухой чтили чахоточное
чудо, оживляли его, это чудо,
витиеватой смолой недомолвок,
и вот этот несносный очаг
вырастает как на дрожжах,
в пансион желанных всеми ошибок,
обладающих к тому же
угрожающим нравом нравиться,
и приводящих Булак, самое красивое
из высохших озёр в мире, в неописуемое
волнение: напружинившись в отчаянном
порыве, озеро затопляет город вишнёвым
вихрем, окончательно сводя с ума
чувствительных Семёнов, уже не
различающих кто из них есть кто
на брыкающейся сцене –
одинокое трёхголовое чудище,
разбитое параличом недоверия,
принюхивается в сладостной пустоши
успеха
к морозящему плеску плешивой плесени,
ноготь угроз наркотически рисует картину

душного кочевья, и предлагает с усмешкой
заключить пари на возмездие за щедрости
дождя, за влажность дороги к горе Олив,
откуда для Семёнов открывается
панорама
вечного города, сотканного из облавы
облаков ...

когда сплочённость сплетен удручает,
и оборотень-критик крест кряхтя поднял,
когда уж улица угарных лидеров качает,
и ненависти мутный шок толпу объял,
не примеряй, Ерушалаим, не по твоему
плечу
витринного бесстрастия халат,
от одиночества ты обещал Семёнам –
излечу,
и выдам сопричастия мандат ...

Barcelona

Свидетельства свирельные врасплох,
коленца колдовские света, свиток
гортанных площадей оглох
и разлился рассветный, медленный напиток.

Пунктиры пустоты,
                балконная творожная тесьма
стыдливых сарабандных посиделок,
сонм ящиков почтовых в ожидании письма,
немой Рамблы парад поделок.

Излётом пелены пейзаж-кривляка
закутал в теневую трель утраты одиночества,
чтобы кадык обочин в пепельной атаке
озвучил медью каталонское отрочество.

* * *

Сперва прелестницей-прелюдией прельщать
сюрпризы сквозняка стремглав судить,
крапивную крамолу-кралю повстречать,
сурдинно ахать, торопиться, торопить.

В остолбенелой бесконечности орбита
науку наугад наушничать дарит,
сутулится сюжет, мечта избита,
спектакль осиротелый судорожно горит.

А далее тоска, тошнота, тормоза,
сумбурная судьба оскоминой юлит,
суфлёр последний, одинокий егоза,
танцует, хороводит, хоронит.

München

обвиняемый
судья
свидетель
солдат
убийца
музыкант
зло
равнодушье
добродетель
бездарность
дирижёр
талант ...
словоохотливо
молчит
несётся
топчется на месте
торопится
не движется
летит
транжирит
собирает вести...

всегда ещё
уже почти
пока
иллюзии
туманы
завещанья
ничто
нигде
пустоты
облака
тщета разлуки
обещанья ...

* * *

бессмыслица
какая благодать
остыть
отстать и
лудиться
в едместье
предков
им под стать
кивку икиморы не
дивиться,
и енароком
нелады все
позабыть
а там
затишья
затрапезного
затылок
крахмальным
крохобором
норовит

заныть
ленивые секунды
ускользающим
обмылком не
исчезают
кружатся
юлят
и вот уж тени
двигаются вспять
шепча
но повторять мне
не велят
бессмыслица
какая благодать

Die Sprache

Уставшая царапина-царевна,
усвоив правило не врать,
всё слушает и слушает, как древняя
ворочается и клокочет рать:
в туманном бархате неведенья,
слова, словечки, словеса,
подслеповатым хором ведьминым
наощупь примеряют голоса ...

В пути к балладам, сказкам-деревам,
к замшелой, зарифмованной реке,
непоправима, неправа, права,
иссохшая гортань в пустынном языке ...

Ещё в корнях и суффиксах плутая,
плебейская родня уже кичливо восстаёт,
что здесь темно, а там светает,
что Ариосто только Мандельштама
признаёт ...

А далее законы, тупиковые проспекты,
источники, каналы, города,
разводы, браки, храмы, секты,
свои, свои, чужие – вот тогда
всё началось и продолжалось,
дыхание, тюрьма, полёт,
и звуки марша, презирая жалость,
царапают тысячелетиями лёд.

* * *

Убогое *позавчера,*
без позы, мимоходом
щеку для поцелуя не подставляет,
и бормотаньем несуразным,
как громоотводом, себя от праздного
вторженья охраняет.

Случайное *сейчас*
с задиристым величием
смакует аккордеона глиняные гимны,
и хмуро игнорируя конфетные приличия,
на четвереньках автопортрет рисует винный.

Не покушаясь на *сейчас,*
лежит *позавчера* в низине,
в лохмотьях предсказаний,
ожиданий и любви,
скрывая под туманным капюшоном
перекрёсток синий,
свободный от гниющей шелухи.

Растрёпанные времена
без риска завербованы брюзжать,
смущать, но не пересекаться,
и бронзовые предки,
в речи забинтованные, капризно
не желают больше приземляться.

Мышьяк под мышкою
кормилицы сметливой –
неловкий довод насморочных жалоб,
наставший день подошвы рвёт блудливо,
и тени кораблей
головокружительны без палуб.

Да, осень не сбылась,
но ханжески банкет играет,
обрывок рукописи из кошелька торчит,
давным-давно ноябрьский ветер
лица не ласкает,
червячий пудинг выжидающе молчит.

Venezia

… жилец бронхитного купе
калякает уныния диктант
и тост заученный вполголоса
во здравицу святой покорности
произнести не смеет

… знаток разбойничьих подолов
листает нетерпенья каталог
и лихо штопает пожары
на дряхлом глобусе

… ярмарки поющая гравюра,
глотающая нечётные числа
и пену с очередей

… мания надзора теней
в прирученных переулках

… кружевная помеха разуму

… знак тождества

… венец Венеры

… вены

… в

Знак Одиссея

... припудренных основ
словарь слоёный,
в крапивное турне
взлетел по турникету славы,
чтобы в мешке ветров,
Эолом напоённом,
увидеть, как цветёт
оскал вражды тысячеглавой.

... под ливнем обаятельного
бреда, баек, слов,
в учтивом обмороке
вытянутой шеи,
пустынный остров
одичалых снов
не доверяет
откровеньям Одиссея.

... что Пенелопа для тебя, Улисс,
что дом, что Телемах? –
один, последний раз согнуть
свой лук дугой,

своим признать чужое,
и без волнения, с размаху
стрелой вонзиться
в воздух пустоты, в покой?

... в стране покоя – призраки,
страничный шелест, алфавит,
безвкусные столбцы кавычек,
запятых, а также знаки-имена,
что в судорожных домыслах –
то ли убиты, то ли не убиты –
указывают путь туда,
где ежедневно дешевеет тишина.

Середина

Среда, свояченица, середина:
в сезон оврагов, пены и прыжков,
брюнетную главу о переходах вброд,
самосожжениях, лохмотьях непогоды –
годы её никто не хочет ни во сне,
ни даже в мыслях начинать ...

Среда, луг славы, середина:
под бронзовые вывихи контральто
слепой кордебалет сентябрьских пружин
танцует *alla breve* от четверга назад –
ко вторнику ...

Среди плевков солдатских,
и Мановых вуалей, на слух,
слегка фальшивя,
скорей левее, чем правее,
бродяга-бубен вторит второпях про вторник,
не про среду ...

Среда без края, сплошная середина:
седой ломоть переполоха спит,
контужены глаголы ...

Среда среды, срез середины:
слюнявая овца-пловчиха, птенец,
переперчёная корона ...

Bronx

картавый пасынок, пастух, дикарь,
                утопленник,
в лихом припадке нелегального паштета
                хрипел,
не кланялся под козырёк, роптал и
подстрекал ни в чём
не сознаваться
сдуру ...
сглаз ябеды наивной,
наизнанку, на ринге риска,
пейзажу профиль вывернул витринный –
но басни голос басовитый так некстати:
                грим,
голод, гололедица, калека, парнасный хор,
                парня ...

мундир объятий каялся публично
в грехах, морщинах, красоте,
нарядах, мускулах –
не впрок ...
незримо картина караула
отозвалась и ... вмиг исчезла,
опрометью, смычком переполоха ...

вблизи – седой висок и патриаршие рубцы,
вдали – воронья сутолока,
клятвенный
обряд краснеющей мелодии-карги,
в попытках пополам с оркестром-карликом –
звучать ...

дословно, наше зрение – жульё,
укравшее у паузы
мгновенье ...
мгновенью посвятив, рисунок
мстительных подробностей и немоты ...

вчерне пещера –
мерцающая мера,
мель обыкновенной
мелочи кустарной ...

наперекор популярности орнамент ничком,
вкус колеса комедии,
конфетного графина юбка ...

парк отзвуков паркетных,
педаль, учитель,
паника, певец ...

* * *

кого там дразнит до упада своими синяками
синагога?
кому приказ под роздых отдан был
червонной мастью непорочной,
– как нарочно! –
пощёчиною шамкающей, срочно
мосты тупые разъединить, взорвать, чтоб
сошка дошлая могла насытиться мышиною
потравою?

горланящий гопак на горбылях
роль горизонта выполняет,
чтоб взор оглох,
но ... ох!
– не праздный вздох –
похлёбка, девица, страда
крамольный вздор баюкает смиренно.

взмах драмы? – возлюбить не завязь
хлебную, а храм взрослеющих тормашек,
чтобы изгой, врунишка, хам,
– бедлам! –
двоюродной досады хлам
потоком примиряющим вознёс и обратил
в шабаш чудачеств и танцующих бантов.

* * *

Стиль стаи –
косоглазое согласье
простуды, суеверия, азарта.
Вальс приговора,
липкий, в одночасье
зацвёл кудрявым финишем,
без старта.

Под паутиной
виртуозного внушения
найдёныш-понедельник
без опекуна поёт,
горбатыми пробелами забор лишения
на вдовах-запятых печать жюри везёт.

А судьи ...
те, что были казнены,
без масок,
в изголовие абзаца
из ссылки вазелиновой воскрешены,
и каждый с каждым
не желает знаться.

* * *

Привычки философии –
вольготное безумие потёмок,
ползком ещё,
в утробе жребия,
на вьючной похвале чередованью,
чутьём пожара предвещать
орудия святилища:
оковы,
трещины,
водоворот ...

Lago di Garda

Туманный раструб цитрусовой казни,
степенный, снежный ропот гор,
удушливых прилавков бритвенные лазни,
германской публики крикливый хор ...

Подслеповатое, глухое небо Гарда
в золе веков, в аккордах клятвенных свечей,
мурлыканьем шипящим леопарда
пришёптывают волны:
ничей-ничья ... ничья-ничей ...

Парфюмному бессилию совсем не рада,
мальчишке-первенцу рыбацкому верна,
Lago di Garda – виноградная награда
в клешне дорог, потеха, белена ...

Дождливые подкараулив тени возражений,
российский бубенец бездельником ворчит,
белиберда матюшинских
брожений-ворожений
«как в царско время» то ласкает, то горчит ...

* * *

сплошь да рядом
ладони Мадонны
узор усердия
подмигивать устал
не нарушая
общепринятого тона
хор святости
петь гимны перестал

хребет всеобщей веры перебит
колёсами пятнистого развала
следами оправдания подшит
флаг блеклый муравьиного закала

неудовольствия кирпичный ноготь
из проволоки жилы завивает
фонарь облезлый собирает копоть
Мадонна кротко руки умывает

Смогли бы?

Смогли б вы липы ликовать
в безветренном сократовском созвучье,
где философия иль филология взахлёб
шипящие согласные в гербарий собирает?

Смогли б вы либо развязать
петлю морщинистых тропинок невезучих,
чтоб заурядный, тощий, бледносерый лоб
успел понять: он жив пока ещё, не умирает ...

Смогли б вы либо тосковать
в калякающем хаосе затрат, чтоб день,
хиреющий лакей любви, долгов и обязательств
коричневым ответом сам себя страшил ...

Смогли б вы либо выпекать
из тормозов, затылков и надежд
пахучий, тёплый каравай, чтоб край курая
и соломенных дождей петь иудею разрешил ...

Смогли б вы либо призывать
стареющую кару заумные улики на свиданье
принести, чтобы перина самосуда обманулась
и приняла искус истомы за исход,
или хотя бы за исток ...

Смогли б вы либо зазвучать
в завесах темноты вопросы и слова другие,
но вот умора, без суеты, без гвалта и укоров
в каморке памяти свербит: смогли бы ...
не смогли ...

Dachau

дитя идиллии –
кладбищенская пряжа,
прими подснежники на завтрак
по недосмотру декабря
и величальным стилем вайнахтским
воспой температуру милой суеты ...

дитя идиллии –
каштановый подросток,
прими в подарок изморози страх,
и про себя молитву говоря,
станцуй апрельскую туманную надежду
среди свистков, допросов, темноты ...

дитя идиллии –
шестиконечная звезда,
прими побои за избавленье
от чести тошнотворной, фимиам куря,
дыханием своим из газовых печей
рассвету придавать идиллии черты ...

Прощание с театром

Ещё один побег?
Ещё один разлад?
Под покровом покаянья сцена тихая
не спит...
От безумного отчаянья бука-поводырь
вопит ...
Мелодия не в лад?
Прощание навек?

Каюк не театру, а траве:
сравнения актёрского скелет
не одолел больной ломака-день,
он переросток, недоросль, солдат,
вперёд-назад! левей-правей!
храня в морковный морг билет
и публики пропавшей тень,
спектакль зажал в немой шпагат ...

Ода траве

цвет ветра трав
ветвь цвета вето
твердь трат
верь рав
цветы прекрасны
вроде бы
трава так безответно влюблена в цветы
прекрасны сны травы
в народе вроде бы заветы служат цветам травы
и травести цветут цвет тут
бы вроде в роде в оде
еб бд деб бы был бдел дебил
в роду уж был цветам и там служил
и с лужи жил ил лил
в цветочном точном очном роде вроде

цветы прекрасны
но не красны сны
трав не зелены
заветы рек пресны
не сны весны отравы
бравой оправы рвы
цветастый ор оравы
вы травы вытравы
вы цвет вы выцветы
вы правы травы вы
травы вы не цветы
травы цветы не вы
увы вы вечно зелены
и вечно неправы увы

Antwerpen

Лукавый ситец пряничных,
бисквитных улиц
простужено хрипит, сипит ...
след-перебежчик
скарлатинных коридоров
на шумных площадях конфузливо
молчит ...

В узде пчелиного огляда
улов фламандского бильярда:
туманные трибуны, требуха, парча ...
в пастушечьем, неоновом корсете
улитка-молния, богиня утешения,
любовь Ван Дейка отвергает сгоряча ...

Рук половодье – рукопись
о жертвах, седине, скитаньях,
о патрулях, холстах, о тростнике ...
Антверпен – повод вопрошать,
не разрушать, но разрушаться
и прятаться в колючем тайнике ...

Мятежное, пузырчатое, людское тесто:
тот свой? не всё ль равно – тотчас чужой ...
в партере сумрачно, дождливо, сквозняки ...
неспешною рысцой по замкнутому кругу
блуждает призрак времени наперекор
часам, календарю, забвенью вопреки ...

Послание

послания карнизы –
зевотный, сырный фронт покорности,
кнут борозды в руках княгини-однодневки ...

послания карнизы –
торговца благочестие, в сокровищах испуга
искать в склерозном вожделении забвенья впрок ...

послания карнизы –
срок зависти за воротом закона,
телега-тварь в хламье лягушечьих сирен ...

послания карнизы –
задушевности шкала, шкатулка душная
плечей попутчиков наших случайных ...

послания карнизы –
капризы гололедицы
под патриархшей ступнёй ...

послания карнизы –
хор белой пустоты,
дорога дорогà ...

Иосиф

История игры исчезновенья
облака: осенняя обида
соблазнена спасительной сиреной
избавленья – испарина испуга
фальцетом форсмажорным фальшивеет.

Истоки искр и ... извиненья
одиночества: ослепшее окно
суровым суеверным слогом
истово исправляет искривленья
фатаморганистых фаготовых фигур.

Иск истине и ... искаженье
облика: один он, он отец, он
сын, сыновний судорожный скепсис
изменчив – истец истратился, иссякла
формула: ферзьфавнфакирфантом …

Цицерон

Бочарный свод младенческих молитв,
святых предвестий скудные остатки.
Страх Цицерона в Форуме разлит
виной кокетливой. Услужливы догадки:

единоборство проповедей –
труд непосильный
в жилище римских фресок
и мозаичных прогулок.
Фальшивит плебса
хор любвеобильный
в невнятице простора –
Рим бел, удушлив, гулок.

В Гайете море же
с наивным придыханьем
не океану, детству подражает:
смешав под птичий клёкот
земной, привычной фуги чертежи,

забвеньем привораживает, льстит,
лукавит, недомысльем исцеляет ...

Тень палача?
Презренный горизонт молчит,
лишь кратко звякают ножи в тиши ...

* * *

неотвратимый праздник домоседства – блуждать в
закатной тесноте нюансов
и невпопад с пульсирующей болью
спорить...

спалив поленья слабости в костре
усердства,
в золе истлевших дней и самореверансов,
случайность замыслу пытается не вторить

и отыскать в квартирном варьете след
детства,
прогнозы сладких птичьих консонансов
о невозможности весну с весной поссорить

Ария

едва лишь уловимое дыхание богини:
листва, сверкнувшая в вальсочке ...
ловушка тлевшей безголосой дали ...
едко пьянящий туман
никчемными мольбами опутывал
нагуюночьнагуюночьнагуюночь ...

ересь апреля:
лукавый воздух тёмных звуков
лишал и шорохи и тени
единства миража прозрачности
напрасны клятвы и ни к чему
нюансынаготынюансынаготы ...

естественный разрыв аккорда:
лоск черноты – будь счастлив и прощай?
ледник кряхтит и в сумасшедшей фуге
египетский свой голос потерять готов чтоб
ненароком не утащить тебя
наднонагоеднонагоедно ...

Oktoberfest

лекарством лексики блудливой
отравлены льняные декольте
безликих женщин
льнущих в обморочных льготах
к бычьим хвостам пивных богов
упитанные Зевсы
ёкая под ёлкой фестивальной
похмельно ёжатся
и шаловливым шагом шулерским крадутся
топчатся гавотом
в костре угарного житья-шмотья
(тья, жид я? или шшш… мот я?)
и хора рыже-блондинистых
шатенов-трансвеститов
в напрасных поисках исчезнувшего дня
ах, только бы найти хотя бы
средь дыма копоти и грязи
Европу кроткую увидеть разглядеть
признать единственной
похитить
и навсегда пропасть
в блаженном критском лабиринте …

Подражание

Гамак славянский – вафельное слово
о воспоминаньях, славе, слабостях, слезах.
Слалом пословиц – формула портного
одышкой с прошлым расплатиться
впопыхах:

... пустое грязное купе, батон и чай,
в окне перронная толпа, жара и лес,
слободские девичьи взгляды невзначай –
провинциальный город Мелекес ...

поезд отправился в раскачку, не спеша,
и форменные пуговицы блестели в духоте,
отнюдь не юбками, не кринолинами шурша,
железнодорожники любились в темноте ...

Галантна тень – сиропный лепет
лениво лаву пробует из спячки
пробудить.
Из стужи в целовальный трепет
ханжа ханжу завлёк, чтоб всё про всё
забыть.

Зальцбупг

В блудливом перечне
болотного учебника утрат
уместно умолчанье Зальцбурга –
отшельник эха,
холода хлопков
и слякоти ладоней,
сопротивляясь тяготению пейзажа
и молитвенным канонам,
умелец Зальцбург в роли
питомца провинциальной роскоши,
фальцетною щекой витрин,
замыленных портретов
и веснушчатых цитат
учтивого семейства Леопольда М.,
скрывает пред шалеющей толпой
простудные канавы модуляций,
сарказмы оперных провалов,
руины диссонантной правоты,
а также
сургуч лакейской грамоты,
дамоклов меч служения,
коросты смрад и казнь казны,
и тусклые коленцы тупиков ...

Однако
музыкальный климат
лишь сухомятка, суховей и лебеда.
И был ли?
пел ли?
колдовал
наш баловень и шурин наш всеобщий,
шептун лукавый,
король и светский лев? ...

Доверчивее мрамора –
ледник привычки.
Молчанием витринным прокажённый
следит устало Вольфганг М.
за фабулой туристкого кино,
за удушающим колье успеха,
за шепелявою рекой
кишмя кишащих Фигарó
в бредовом ритме репа:
канун-левша-один-един-едва-ещё-костёр-простёр
...
канун-левша-один-един-едва-ещё-костёр-простёр .

Опус 64

манерно-блеклые авансы менуэта –
не противореча марафону манекенов,
расстрельной слепоте октав,
лавине летней лжи,
и арифметике акцентов,
– настаивали
на овладении искусством медлить,
на монотонной ворожбе,
на лепетании льстецов о милосердии медовом
и лавандовом достоинстве дремоты,
но ... мотивация мотива
вельможной попрошайки
нашла прибежище в юродстве,
украсив засухой звенящих повторений
акварельный фа-мажорный ад

Эльзас

Это вдали
где вроде бы виолончель-ь-ь
уже слышна,
Лежит в низине озеро
оно уносит
молчаливо ль-ь, иль-ь бесследно ль-ь
Ь-ь-ь-ь
Застывший взгляд мой,
что лебедя мечту запечатлел –
такой вот сон под кронами деревьев
А наяву
усталый чёрный лебедь – он поёт,
что вскоре улетит отсюда, и это нас
Сейчас не волновать не может:
ведь знают все его приговорённость
к вечной разлуке: здесь навсегда
под звуки струнные остаться
и не увидеть никогда Эльзас,
с ни дом свой ...
(где дом и где Эльзас?) – он исчезает.

Вокзал Лазков

Затея воспаленья зазеркального,
пространство стрекозиных поездов –
Вокзал,
в суровом хаосе движенья атонального,
Лазкову поначалу чуть на дверь не указал:
не пассажир? и не стрекоз?
от всех отличник? только встречающий?
Лазков в отчаяньи засопел,
когда простуженный вокзал-язычник
об оттепели вечной обещающе запел,
что вскоре каждый сможет, мол, –
конечно, если сможет,
в путях и рельсах разобраться, и понять
как сфинкса линии стрекозить и стреножить,
иль попросту – как самому
страной-вокзалом стать.
Ну, а пока ...
Лазков согласно закивал: окей-окей!
Вокзал –
для провожаний только, не для встреч ...

Чем, для проживанья не страна?
Лишь бы в мозги и душу
не влезала-не влезал,
хотя Вокзал весьма и странен,
как и страна, впрочем, странна́ ...
Меж тем не мешкая, моргающий галоп молвы,
в гардинах льстивой монотонности,
перескочив с готовностью
на уважительное ВЫ,
Лазкову намекнул об их
исконной однородности с его
приобретенной только что отчизной:
теперь вы – сфинкс Лазков-Вокзал,
пардон, Вокзал-Лазков!
Счастливый это повод
отслужиться бравой тризной,
пренебрегая осторожностью и бряцаньем
оков,
вмиг отказаться робко семенить
по тротуарам,
от циферблатов, загсов, ревности, любви,
нарциссовых блужданий по вип-будуарам
в удушливых парах парфюма, део и ТиВи,

уфф ... вопреки советам,
в мечтаньях наш Лазков
не прекратил бескровную войну затмений,
расстрельное лукавство вспышек
и хмельных гудков, и не отказался
в мыслях от наивных заверений.
В глубокой спячке, по ночам,
когда двуликий сфинкс,
устало разморённый, увядший монолог
испуганной толпе-халве травил,
Алисы, то бишь Людмилы блик
частенько проносился удивлённый,
И ото сна Лазкова он будил, будил
и ... убедил, что это не мираж ...
а сила прежняя его – *алиса,*
из тех времён, когда не только провожать,
но и встречать людмил любил...
И пусть он – сфинкс,
иль половина, четвертинка сфинкса,
дичок стыда, тень древней пирамиды,
мутный Нил, что затопил молочным страхом
давно пресыщенный перрон

безпассажирный –
бес пассажирный, бес...
Семейства мускулистых сфинксов
гарцуют в мерном изподлобье,
и вдаль глядят из-под корон, не замечая
проржавевших стрекозиных книксов.
Медовые абзацы букв? Честь? Почести? –
давно сгорели.
Угарный дым, застенчивый гуляка,
лишь он один
бежит precipitato, занозные сравненья
собирает там, где прежде зеленели ели,
с глухим булыжником играет в прятки.
Что далее? Людмила и Fermata …

Соловей

Константину Кедрову

Соловей,
лей елей.
Сел левей
левее сей,
левее сев
ей-ей веселей!
Лес слов
свей-свей.
Сей лес,
ой, лелей!
Слово вей
волей своей,
со всей силой
лес овей.

Лес-лев,
лес сов, лосей, волов.
словес-лососей
лов.

Лес-лев ел
ос, ослов.
О слово-олово,
о Йов!

Ой лес!
Лес – вой?
Лев – соло!
Лес оволосел.
Вей слов
свой слой!
Вес слов
осоловел?

Во лов!
В лес ос?
Во соло –
соловей ДООС!

* * *

потребность неизбежности прыжка
в озноб невольного похмелья,
в ночлег, где Парка юная
в безликой ресторанной нищете
треск пресных опечаток принимает
за откровения пророков.
Там, в расточительстве притворного
смирения
перед литаврами льстецов,
любовный жар Виолы Парки истлевает,
и в лепетании прогорклой лебеды
соблазны пластиковой нормы
учтиво расцветают перед ней.
А за углом ехидные кануны и сарказма
брови,
Не в силах панику и страх самосожженья
победить,
смолою помутнения рассудку угрожают
и оттепель навечно обещают отменить.
Ах, милая мишень, такая милая,
Ах, нс спроста по воле собственной,
С апатией слепой медузы отдалась она

Во власть волосяного смрада паутины
волчьей:
Срам, снег, снегурочка, заторы нижнего
белья,
И механизм отчаяния заглох,
И дюжина попутчиков исчезла,
И рот угодливой гримасою свело ...

А безголосый наш певец?
А что певец – его луна ласкает ледяная
И не нужны ему уже котурны и чужие
ритмы.
Он на подмостках прошлого пригрелся,
Что лоск лохмотьям предпочло
Мучению преодолевать провалы памяти
и устремляться
по затоптанным тропинкам вспять, –
певец блаженный там плутает
в капкане утешения музейном,
где так некстати, всё, всё так некстати:
короста кротости, родство веснушек,
лукавство неморгающей монашки,
её бесцветный вязкий монолог
и проигрыша срывающийся голос.

* * *

храм
меди медовушного смятения
столярные каракули пословиц
каникул вялых мысли кандалы

х*р*а*м*
судорог гармоник во спасенье
вязанка пламянеющих пощёчин
сугробная медлительность смолы

*х*рам
перегородок душных подозренья
пыстыня суеты, поклоны пустоте
проклятия неверным, ненависть хулы

х*р*ам
против х*р*ама - срам неведенья
божки в кровавом вареве кипят
и лепят хор из злобяной золы

*хр*ам
волчьих потрохов смиренья
бред караульных бормотаний
жертв жертвы и жрецы жрецы
жрецы жрецы жрецы жрецы
жрецы жрецы жрецы жрецы
жрецы жрецы жрецы жрецы...

Я Майя

Памяти Майи Плисецкой

Морозная медлительность местоимения
Манит мятежной магией молчания
Манеры мадонны? милости молвы?
Май майи? Молний мера?
Мост между май и я?
Миф-материк?
Ах,
Атлантида –
Арифметика акцентов,
Апрельские атаки аргументов,
Арест арены, азбука авансов,
адреса альтернатив,
Автограф акустических артерий
аристократа августа.
Йя
Йегудимский йети, йодистая йота,
Йорк, йоркшир, йодль йоги,
Я
Яма йЯма йЯма
Явление язычестваб янтарный якорь

МАЙЯ Я

СТИХИ ПО МОТИВАМ
(вольные переводы
стихов европейских поэтов)

Арно Хольц

Мост к зоопарку

Расслабившись удобно на скамейке
в зоопарке,
небрежно потягиваю сигарету и радуюсь
утреннему солнцу!
Передо мной сверкающий канал,
отражающий небо и качающиеся берега.
Через мост медленно гарцует на коне лейтенант.
Под ним между тёмной,
плывущей каштановой листвой
в цветущих свечках,
ввинчивается штопором в воду
отражение его сургучно-красных воротников.
На высоких прибрежных вязах
чирикают зяблики.

В воздухе,
оскорбляя уши пронзительным,
проницаемым в самое нутро галдёжем,
нарастает любовный обезьяний балаган.
Где-то за моей спиной,
кричит семь раз кукушка.

Михаэль Крюгер

Русчук на Дунае

Хотели мы в Рустчук поехать,
рекой изгрызанный посёлок,
чтоб разыскать того, кто произнёс:
«Язык ему теперь отрежем».
Однако, зима.
В Софийских закоулках,
спасаясь от ледяной тоски,
снуют бродяги в поисках добычи.
Хмельной кондитер в забытьи
дремлет у входа в кирху:
так охраняет он своим теплом собор,
следуя заветам святой Ивонны:
лишь теплота сравни любви.

Кровоточащая река,
прорвав оковы смутных берегов,
дороги заполонила почерневшим снегом.
И голубиное крыло указывает путь туда,

где Александр Великий
прикончил черношерстного оленя.
Позднее появились там
монахи с запущенными бородами,
они с пчелиным трудолюбием
учили православные псалмы.
Те голоса Святых Отцов в соборе зимнем
ещё слышны: молитвы острым лезвием
морозный воздух нежно прорезают.
Дерево у снежно-занесённой синагоги
в ознобе ветками кириллицы трясёт.
Дунай, в стремлении неукротимом
истаять только в Чёрном море, несётся
молчаливым белым кораблём на юг.
Словоохотливая, ангельская Пенка у руля
застывшие сосульки слов простужено
роняет.
Нет, не сегодня, и не завтра,
и неизвестно кто нам всё это расскажет,
что время вспять ползёт давно.
И что завидуем мы снежному безмолвию.

Ингеборг Бахман

Мосты

Перед мостами натянутая ветром лента.
Теряя синеву,
о балки трётся небо.
И наши световые тени
меняются без устали местами.

Мост Мирабо ... Мост Ватерлоо ...
Как только все они выдерживают
бремя топота безымянной толпы?

В смешанной растерянности
от отсутствия веры,
просыпается барабанная дробь над рекой.

Все мосты одиноки
и слава опасна для них
как и для нас, хоть и мним мы,
что ощущаем плечами
передвижения звезд.
Правда обломками преходящего
Вряд ли наполнишь мечту.
Не лучше ли жить по законам прибрежья,
день за днём, час за часом
ожидать явленье избранника,
что ленту разрежет и, достигнув
разрыва солнечной туманности,
ослеплённый и укутанный ею,
исчезнет в падении.

Аксель Санхозе

Под чужой луной

Мы имели дом, да далеко,
мы знали, куда держать путь, да дорог
было две,
мы искали жилища, да видели лишь следы
костров,
мы приглашали на танец, да глухих,
мы ковали золото, да продавали песок,
мы держали скот, да жрал он падаль,
мы находили камни, да они не соединялись
в круг,
мы различали краски, да свет был слабоват,
мы громыхали словами, да были неверны
в делах,
мы жили зимой, от зимы к зиме.

Дахау

В изморози живописный пепел.
Вечерами за болотом
солнечный закат.
Кроме понедельников.

* * *

Застывшее прощание ручья
струившегося тихо прочь.
И пусть расскажет вам не я,
а кто-нибудь другой
что здесь откуда-то из уходящей тьмы
сочится влаги ночь в распевном йодле
и проникает в землю,
вылизывая желтым языком
всё до конца так чисто,
что даже шансов жажду утолить для рыб
и прочих хомячков не оставляет.
Там, в шкуре ночи
жжёт и жжёт рубец тоскливым говорком.
Его поблекшее великолепье слога,
вдруг онемело враз,
иссохло до лишь одной безмолвной,
но клокочущей эклоги:
я здесь, ты здесь и это есть начало

* * *

В неведении туманном
приходим в этот мир
бессмертными,
запрятав в плаче
грядущие прозрения,
безумие и раны.

И утро входит плавно в нас
не только щебетаньем птиц
и первыми лучами солнца,
но и промчавшемся вдали,
чтобы тотчас же из памяти исчезнуть –
прозрачным призраком локомотива.

Вот так повсюду и везде:
что ослепляет и блестит –
тускнеет первым без следа.
Пути-дорожки в сад блаженный
закрыты воротами навсегда,
и только свет слегка дрожит
в вороньих черных гнёздах.

И облака, и листья,
и осень исчезает –

в листьях, облаках ...

Почти ничего
не остаётся в мире
от наших робких прикосновений.

В летящих окнах кружит нам голову
осколками воспоминаний
статичный мир.
Нежданный гость –
и остаётся недописанным
бумаги лист,

Горят и вечером и утром лужи,
ребёнок норовит туда
котёнком любопытным прыгнуть.
Покинувшему дом – возврата нет.

Наш светофор забарахлил: заказан
путь на запад – и город затопил
хаос гудков и траурных сирен.
Истаивает, пропадает
всё во мгле,
и возвращается покой.

* * *

Мы произносим – время,
а это лишь
изменения света.

Увидев чаек,
мы воображаем себе море.
Но и без чаек
мы море можем вообразить.

Противоположность
времени –
невозмутимость.

Вдыхай её,
как свежий розмарин.

Ханс Магнус Энценсбергер

Я тот, кого ты позабыла

Ингрид Кавен

Я проститутка из бара,
в дыму столетнего угара.

Я тот, кого ты позабыла.
Заброшенный дворец, постылый.

Я глотка, что тебя сжирает.
Я ночь, что возвращаясь, возвращает.

Я был, я буду, я …
Я негритянка шелковидная.

Я море, что у ступней твоих играет.
Я пёс, что только о тебе мечтает.

Гашиш я, что ты куришь и в себя вдыхаешь,
Я жизни ток, что ты употребляешь.

Я капля, на которой ты легко висишь,
и денег куча, из-за которых ты не спишь.

Я глаз, что тебя видит, смотрит, наблюдает.
Я царь, что пред тобой колено преклоняет

и изгоняет прочь тебя в пустыню.
Затраханный, я трахаю тебя в унынье.

Я Энгельс твой и Маркс я твой.
И твоего я крышки гроба вой.

Я мясо, что ты ешь в обед.
Я идол твой и твой помёт.

Летучей мышью
    в лесах волос твоих гнездо я свил,
и жизнь мою закончу там –
    где есть, где буду, где постоянно жил.

Сентиментальный вальс

Ах, если б раньше, раньше!
А что теперь?
Делай, что хочешь,
только будь добра:
не надо оправданий.

Без, или с ними,
во всяком случае,
ты раньше всё имела
или, впрочем, нет.
Довольно же теперь.

«Что ж делать мне?
Что ж делать мне?»
Известно – что.
Ведь вопрошают так тогда,
когда уж слишком поздно.

Собственно, жаль.
Скучаю по тебе я иногда,
и по твоим извечным драмам,

высказываниям вздорным,
волшебству с ленцой.

Я и угрызенья совести?
Смешно.
Закрой дверь за собой
и больше никогда
не возникай!

Модели

Все эти мадонны, гладильщицы, бабульки,
эти Богини и Одалиски,
как молятся они, купаются и бьют,
ложатся как они,
как ворожат повелевают, вяжут,
как нас осматривают молча,
и как осматриваем мы!

О чём вы думали на сквозняках
перед холстами в ваших ателье?
И думали ль вообще?
Иль просто поклонялись им,
укладывали в постель, иль избивали,
иль только ведьмами воображали их,
чей сладострастный
иль леденящий дух
всегдашних молчаливых недотрог,
витает в наших комнатах?

Obskure kamera

Там эта женщина,
перед тобой в слепящем свете,
туманные рот и глаза
случайной встречной.
Но кто она, когда? –
себя ты вопрошаешь, –
откуда появилась,
умалчивает что,
и упрекает в чём меня?

Там в облаке из темноты,
стоит она недвижно.
А ты же, в полном забытьи,
избытком света оглушённый,
сидишь на этом голом стуле
перед ней и ничего не видишь.
Тебя же как на ладони видно.

Петер Хорст Нойманн

Двуединый Икар

У каждого только
по крылу

чтобы вместе
в едином порыве взлетать.

При падении каждому
по крылу не хватает.

Пустая стена

На этом гвозде
висел его портрет.

Стена вся выцвела
на этом месте.

Поговори с гвоздём,
портрету предан он.

* * *

Моя ты, так и так,
теперь я знаю, как тебя зовут.
Явилась ты сквозь снегопад ко мне
и принесла потерянную мной перчатку,
в награду за находку,
я подарил тебе другую.
Так стали парой мы,
и узнаём себя теперь
друг в друге: ты – так, я – так.

Уроки умолчания

Экзамен выдержали все,
лишь провалился лучший:
он от рождения был немой,
и вот его врасплох застигли –
теперь должны мы говорить.

Пегас

Разорвана холодная стена
на мраморные перья – как
белое овечье стадо
в ежесекундных бликах.

Мы пролетали сквозь неё,
с единой кожей на двоих,
по всем законам красоты
заоблачного мира.

Твой конь пришпорен,
Мчишь ты меня,
Мой окрылён –
Тогда твой всадник я.

Алфавитный указатель

Antwerpen 116
Ария 123
Barcelona 86
«бессмыслица...» 90
Bronx 102
«В неведении туманном...» 151
Venezia 96
«Внимая звукам – это значит...» 71
Вокзал Лазков 130
Dachau 112
Дахау 150
Двуединый Икар 161
Die Sprache 92
Ерушалаим 83
Зальцбупг 126
«Застывшее прощание ручья...» 161
Звук 59
Знак Одиссея 98
«Знакомый метод местности...» 73
Иосиф 119
Казань 82
«когда...» 63
«кого там дразнит до упада...» 104

Lago di Garda 108
Лес 74
«Манеры невесомости...» 78
Метаморфозы 68
Модели 159
«молчащие нелепо две страницы...» 66
Мост к зоопарку 143
Мосты..... 147
«Моя ты, так и так...»..... 163
«Мы произносим – время...»..... 154
München 88
«неотвратимый праздник...» 122
Obskure kamera 160
Ода траве..... 114
«озноб черёмуховый, не спеша...»..... 72
Oktoberfest..... 124
Опус 64..... 128
Пегас..... 165
«.. плен...» 67
Под чужой луной..... 149
Подражание 125
Послание..... 118
«потребность неизбежности прыжка...»..... 136
«Привычки философии...» 107
Прощание с театром 113

Пустая стена 162
Русчук на Дунае 145
Сентиментальный вальс 157
Уроки умолчания..... 164
Я тот, кого ты позабыла 155

ДООС
Добровольное общество охраны стрекоз
1984 – 2015

Основатели:
Стихозавр Константин Кедров-Челищев
и libellula Елена Кацюба.
Вольное общество поэтов пополнили
Стрекозавры Андрей Вознесенский,
Генрих Сапгир, Сербозавр Милорад Павич

Пришли звезды андеграунда:
Заузавр Сергей Бирюков,
Огнезавр Герман Виноградов
Лингвозавр Вилли Мельников,
СтрекозАль Маргарита Аль,
Саксозавр Сергей Летов,
СтрекИзида Анна Альчук
Звукозавр Лоренц Блинов,
Лайнзавр Владимир Опара,
Палиндрозавр Александр Бубнов,
Новая Доосская Алена Мартынова,
Найкозавр Найк Борзов,
Оса ДООСа Кира Сапгир
Art-стрекоза Нина Зарецкая

Дудозавр Игорь Дудинский
Зиоса Света Литвак
Веразавр Вера Сажина

Членами ДООСа также стали:
Линзазавр Виктор Ахломов,
Валерия Нарбикова,
Доосозавр Вадим Рабинович,
Кириллозавр Ковальджи
Борис Рахманин,
Текстозавр Александр Люсый
Днепрозавр Александр Чернов,
Боллозавр Александр Ткаченко
Стреказелла Галина Мальцева,
Светозавр Андрей Врадий,
Дева нот Алла Кессельман
Графикозавр Кристина Зейтунян-Белоус,
Прозостихозавр Анатолий Кудрявицкий,
Стреказанка Лидия Григорьева,
Стрекозабочка Леся Тышковская,
Книгозавр Виктор Корольков
Никозавр Николай Еремин
Крымозавр Андрей Коровин
Кистезавр Андрей Бондаренко
Австрозавр Виктор Клыков

Братскозавр Владимир Монахов
Пчела Ганна Шевченко
Дадазавр Денис Безносов
Слонозавр Ольга Ильницкая
Торозавр Алексей Торхов
Лавразавр Александр Моцар
Зоммерзавр Татьяна Зоммер
Украйнозавр Игорь Балюк
Одуванчик Ольга Лебединская
Ижезавр Игорь Крестьянинов
Лизазавр Лиза Готфрик
Энтомозавр Петр Кобликов
Muvi-стрекоза Ирина Бессарабова
Стрекожур Ольга Журавлева
Кинозавр Наталья Шематинова
Зейфертзавр Елена Зейферт
Завтразавр Алексей Бандорин
Аккордозавр Семен Гурарий
Азорозавр Евгений В. Харитоновъ

Титул Друзья ДООСа приняли
Игорь Холин, Алексей Хвостенко,
Марина Герцовская,
Михаил Молочников, Елена Пахомова,
Эльмар Гусейнов, Евгений Степанов,

Алина Витухновская,
Ирина Силецкая, Наталия Азарова,
Дмитрий Плахов, Александр Гумённый,
Хадаа Сендоо, Лена де Винне

Автор эмблемы ДООС – Сергей Бордачёв.

Содержание

От автора 7

Поэзия

Звук 59
Чудо 60
«То был не дождь!..» 61
«Сумерки...» 62
«когда...» 63
«То ли закат, то ли рассвет...» 64
«молчащие нелепо две страницы...» 66
«... плен...» 67
Метаморфозы 68
«Усталый сумрак интермеццо..... 72
«Внимая звукам – это значит...» 71
«озноб черёмуховый, не спеша...» 72
«Знакомый метод местности...» 73
Лес 74
Снисхождение 76
«Манеры невесомости...» 78
«Седой зал-отчим, милости...» 80
Казань 82
Ерушалаим 83
Barcelona 86

«Сперва прелестницей-прелюдией...» 87
München 88
«бессмыслица...» 90
Die Sprache 92
«Убогое позавчера...» 94
Venezia 96
Знак Одиссея 98
Середина 100
Bronx 102
«кого там дразнит до упада...» 104
Стиль стаи...» 106
«Привычки философии...» 107
Lago di Garda 108
«сплошь да рядом...» 109
Смогли бы? 110
Dachau 112
Прощание с театром 113
Ода траве 114
Antwerpen 116
Послание 118
Иосиф 119
Цицерон 120
«неотвратимый праздник...» 122
Ария 123
Oktoberfest 124

Подражание 125
Зальцбург 126
Опус 64..... 128
Эльзас 129
Вокзал Лазков 130
Соловей 134
«потребность неизбежности
прыжка...» 136
«храм...» 138
Я Майя..... 140

СТИХИ ПО МОТИВАМ

Арно Хольц
Мост к зоопарку 143
Михаэль Крюгер
Русчук на Дунае 145
Ингеборг Бахман
Мосты 147
Аксель Санхозе
Под чужой луной..... 149
Дахау..... 150
«Застывшее прощание ручья...» 161
«В неведении туманном...» 151
«Мы произносим – время...»..... 154

Ханс Магнус Энценсбергер
Я тот, кого ты позабыла 155
Сентиментальный вальс 157
Модели 159
Obskure kamera 160
Петер Хорст Нойманн
Двуединый Икар..... 161
Пустая стена 162
«Моя ты, так и так...»..... 163
Уроки умолчания..... 164
Пегас..... 165

Алфавитный указатель..... 166

ДООС..... 169

Семён Гурарий

Звук
Книга стихов

Гурарий Семён
Звук. — Книга стихов. — М.: Издательство ДООС, 2016. — 180 с.
ISBN 978-5-9906507-9-4

Живущий в Мюнхене пианист и поэт Семен Гурарий неслучайно назвал свою книгу «Звук». Для него слово — прежде всего звучание. Его стихи подобны сонатам, где даже паузы между словами полны звучанием и значением.

Семён Гурарий

Звук
Книга стихов

© Издательство ДООС
Маргариты Аль

Подписано в печать 11.01.2016.
Формат 84x108/32. Гарнитура LiteraturnayaC.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Объем 5,625 печ. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии ООО Галлея-Принт.
Москва г, ул.Кабельная 5-я, д.2Б, стр.1, 111024.

ISBN 978-5-9906507-9-4

9 785990 650794